

Эдуард Владимирович Тополь

У.е. Откровенный роман

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136100*

*Эдуард Тополь. У.е. Откровенный роман: АСТ, АСТ Москва; Москва;
2007
ISBN 978-5-17-050918-8, 978-5-9713-7957-7*

Аннотация

Одна из самых талантливых и ярких книг Эдуарда Тополя.

Книга, которую, по меткому выражению критика, «читаешь страницу за страницей, ожидая развязки».

Книга, в которой есть все: исламские террористы, война в Чечне, падающие башни Всемирного торгового центра, русская мафия, американская бюрократия и потрясающий подполковник ФСБ Чернобыльский, решивший, наконец, поработать на себя и обеспечить старость парой-другой миллионов...

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	68
Конец ознакомительного фрагмента.	162

Эдуард Тополь

У.е. Откровенный роман с адреналином, сексапилом, терроризмом, флоридским коктейлем и ядом

*«И нынче у меня столько же силы, сколько было
тогда, чтобы воевать и входить и выходить...»
Иисус Лавин, 14, 11*

*«Никогда не говори, что ты идешь в последний
путь!»
Из еврейской молитвенной песни*

*Все факты и события, изложенные в романе,
взяты автором из параллельных миров и не имеют
никакого отношения к событиям в России, США
и Европе. А суждения и заявления персонажей не
всегда отражают позицию автора...*

Посвящаю Юле – своей жене и любимой

Часть первая

Контракт

...Этот город живет только погоней за деньгами. Нет ничего другого – ни дружбы, ни любви, ни отдыха, ни даже секса. Скажете, я преувеличиваю? Ничего подобного! Я вам говорю как эксперт: нет ни одной, даже самой малой зоны, угла, закутка, где все, что делают и чувствуют эти люди, они бы не пересчитали на деньги. Любовь? Покажите мне женщину, чью любовь нельзя купить. Нет, покажите хоть одну! Тысячи женщин стоят на улицах, их любовь стоит не больше сотни у.е. Другие продают себя в клубах и казино, третьи – в борделях, а остальные – так, в розницу, где придется. И не говорите мне о порядочных женщинах, порядочные – это те, кто обходится нам на порядок выше. Только и всего. Но подайте к ее подъезду «мерседес» три раза подряд, и я посмотрю на ее порядочность! Мужчины? Это еще большие проститутки, они продают даже мужскую дружбу. Причем на каждом шагу, на каждом! Если дружба не приносит у.е., ее выбрасывают, забывают и дружат только с теми, кто выгоден, а как только выгода от этой дружбы кончается, ее тут же предают и продают, как овцу, с которой хоть шерсти клок! Деньги, у.е., деньги! Они шуршат, струятся, змеятся в этом городе днем и ночью, и если вы внимательно посмотрите в

глаза любому бизнесмену, кем сейчас величают себя все, от бандитов до депутатов Думы, вы увидите, как в них скачут цифры, – это они на ходу считают у.е., которые могут на вас заработать. Еще пятнадцать лет назад, когда мы жили в советской нищете и рабстве, у нас не было этих возможностей к роскоши, даже богатые должны были прятать свои богатства, и тогда какие-то человеческие отношения еще можно было увидеть не только в народе, но даже в нашей конторе. Но теперь те, прежние, понятия исчезли, их смело новыми, и этот сплав западного прагматизма и бандитских понятий, хлынувших из ГУЛАГа, стал кодексом нашей жизни. Пусть-те сегодня князя Мышкина в Москву – его не идиотом назовут, его убьют в первой же тусовке. А все потому, что наша элита, выскочив из грязи рублевой нищеты в князи валютного воровства, еще более стервозна, безбожна и преступна, чем мерзавцы времен Достоевского и холуи времен Хрущева и Брежнева. Вот вам простой пример из газет... Хотя нет, газеты вы и сами читаете, и телевизор смотрите, и все наши безобразия встречаете каждый день на каждом шагу. А если мы в нашей конторе знаем о них чуть больше и точнее, то что толку? Вчера иду по улице, впереди грузовик, а на его бампере лозунг: НЕ ВОРУЙ. ПРАВИТЕЛЬСТВО НЕ ТЕРПИТ КОНКУРЕНТОВ. То есть народ знает свое правительство. Но и правительство знает свой народ и плюет на ежедневные разоблачения вертикали и горизонтали воровства и коррупции. Там, наверху, обогатились в таких мегаколиче-

ствах, что при следующей избирательной кампании бросить пять-шесть миллиардов у.е. на промывку мозгов своему загнанному в нищету электорату – для них как два пальца обмочить.

К чему я все это говорю? А к тому, что я полный мудак, debil, идиот и прочее. Не зря меня в 56 лет выперли из конторы на пенсию – как последнюю шваль, как мусор, как выжатый лимон. Чем мы там занимались? Государству служили? Народное добро стерегли? А фу-фу не фо-фо? В коридорах огромного здания на Лубянке, где размещается наше Управление по экономической безопасности, хоть один из тысячи оперативников, следователей и начальников когда-нибудь за последние десять лет произнес слово «народ» или «народное достояние»? Да если бы кто-то из нас не с трибуны, а в частных разговорах, так называемых кулуарах, вымолвил эти нелепые слова, его бы в психушку отправили как диссидента. Нет, мы занимаемся совершенно другим – мы обслуживаем клановые интересы и собираем компромат. На Авена, Березовского, Вяхирева, Гусинского, Дьяченко, Ельцина, Жириновского, Зюганова и так далее до конца алфавита – Чубайса, Юшенкова и Явлинского. На губернаторов, мэров, депутатов, сенаторов. На бандитов, переквалифицировавшихся в политиков, и политиков, переквалифицировавшихся в бизнесменов. Мы отслеживаем потоки денег, уплывающие за рубеж, мы фиксируем схемы, по которым самые жирные куски государственного пирога перехо-

дят к бандитам, то есть, простите, к новым русским, кормящимся вокруг и внутри нашего многосемейного правительства, но все эти разработки, открытия и разоблачения – только карты, которые там, наверху, в нужный момент положат на стол перед слишком ретивым политиком или олигархом и прижмут его к ногтю или построят во фронт.

Конечно, ту же информацию – но частями, частями – кое-кто в конторе скармливает на сторону – тем же бандитам, олигархам и новым русским. А как вы прикажете жить в Москве офицеру ФСБ на двести у.е. в месяц? Хотел бы я посмотреть на Путина, если бы он десять лет назад не ушел от нас в помощники Собчака! Между прочим, мы с ним почти ровесники и по званию равны – подполковники. Только он вовремя сменил профессию и сделал карьеру, а я – нет. Хотя, если оглянуться, и у меня были возможности – а у кого их не было десять лет назад? Но я же мурак, чистюля, я чистых кровей габэшник, у меня папаша был резидентом в Бельгии, я три языка с детства знаю...

...Сегодня мне опять снилось, как мы ехали через тот базар. Мы попали туда случайно – на блокпосту нам сказали, что по этой дороге попадем в Курчалой. Мы и поехали. На простой «девятке» – я, мой водитель и сзади Колян Святого-ров и Федя Синюхин. Под Курчалоем, в маленьком местечке Гарун-Юрт, у меня была назначена встреча с Магомедом Исаевым, местным аксакалом и нашим осведомителем, ко-

торого мне «по наследству» передал полковник Ш-ов, отбывая домой.

И вдруг за перевалом, внизу, в ложине – этот базар, одни чеченцы и никаких федералов. И деваться некуда – дорога идет прямо через этот ад. Блеют овцы, кричат пацаны, кудахчут куры, и бородатые чеченцы пытаются через затененные стекла разглядеть, кто в машине.

– Не останавливайся! – сказал я водителю, держа в коленях «АК».

Сзади Колян и Федор держали под прицелом каждый свой угол.

Но что мы смогли бы сделать, когда вокруг – плотная толпа орущих, размахивающих руками чеченцев?

Водитель вел машину, вцепившись в баранку побелевшими от страха пальцами.

Эти бородатые рожи лезли во все окна, у меня палец свело на курке и пот катил по всему телу, словно меня выжимали.

Казалось, мы будем ехать вечность.

Казалось, мы не выедем из этого базара никогда.

Когда толпа сомкнулась так, что уже не проехать, я отцепил с пояса гранату и взялся зубами за чеку. «Гуди! Гуди!» – процедил я сквозь зубы водителю. Если они разобьют стекло, то...

Нас спасли затененные окна, в жизни мы выехали с того базара. Но во сне...

Вот уже который раз мне снится все то же: нас останавли-

ливают, меня вытаскивают из машины и ведут на расстрел. Но почему-то не с ребятами, а со стариком Магомедом Исаевым и с Кимберли Спаркс, канадской журналисткой, неизвестно как получившей в Генштабе допуск во фронтовую зону. Хотя ни в какой Гарун-Юрт мы ее, конечно, не брали, как она ни набивалась, ведь мы со Святогоровым и Синюхиным ехали туда разбираться с жалобами местных жителей на энских ментов, которые при зачистке деревни вымели из домов практически все – мебель, телевизоры, ковры, посуду, даже постельные паласы. И на тех же грузовиках, которыми они прибыли в Чечню, увезли в свой Энск – это, как ни крути, еще бывает перед концом шестимесячной ментовской командировки. Ну разве могли мы на разборку этого мародерства (и на встречу со стариком осведомителем) взять с собой канадскую журналистку?

Однако теперь вместо мародеров на казнь вели почему-то меня, Магомеда Исаева и эту Кимберли. Их должны были расстрелять вместе со мной – старика за то, что он передал нам сведения о расположении учебного лагеря Хаттаба под Ножай-Юртом, а Кимберли не знаю за что – у меня с ней ничего не было, клянусь. Кроме взглядов, конечно. А теперь она шла справа от меня, рыжая и прямая, а не так, как таскалась за нами по Ханкале – согнутая под тяжестью своих «Кодаков» и «Пentakсов».

А старик чеченец плелся сзади.

Мы шли по насыпи среди зеленого поля, топкого, как пла-

стилин. Под «зеленкой» была нефть, из-за которой тут никогда не будет мира, потому что где нефть, там сверхприбыли, а где сверхприбыли, там кровь и смерть.

Светило солнце, было тепло.

Я знал, что нас расстреляют где-то в конце насыпи, у бруствера, но почему-то не испытывал страха. Обычно во сне кошмары чеченской войны догоняют меня теми страхами, которых в горячке боя или по глупости я не успел испытать в реальной жизни. И тогда страх наваливается и давит сердце и душу с неотвратимостью танковых гусениц, надвигающихся на твой окоп. Но в этом сне страха не было даже тогда, когда до этого бруствера осталось метров двадцать и я понял, что это произойдет сейчас, в следующую минуту. И Кимберли знала, что это произойдет сейчас. Чтобы ей было смелее дойти до роковой черты, я протянул ей руку, предлагая последние двадцать метров идти вместе. Но она отмахнулась. Я пожал плечами и пошел вперед, бравирюя своей храбростью и даже, кажется, что-то насвистывая.

Бруствер был рядом, я ждал выстрелов. Но их не было. Вместо этого на бруствере вырос Хаттаб – в берете набекрень и при бороде, как у Че Гевары. Я знал все об этом саудовском Черном арабе и Волосатике, мы охотились за ним с тех пор, как в 1995 году он перебрался из Афганистана в Чечню и на деньги своего арабского «брата» бен Ладена создал здесь несколько учебных центров подготовки моджахедов и подрывников, стал командиром «Исламской интер-

национальной бригады» и главным финансистом чеченских боевиков. Да, это через него шли в Чечню миллионы долларов из Саудовской Аравии и «Аль-Каиды», это он расстрелял в Аргунском ущелье нашу мотострелковую колонну в апреле 1996 года, это он заплатил два миллиона долларов за взрывы жилых домов в России, и это он и Басаев организовали вторжение чеченских боевиков в Дагестан, из-за чего нам пришлось втянуться во вторую чеченскую войну...

Теперь он стоял передо мной, широко и весело улыбаясь и держа одну руку на «АК-74», а второй – без двух пальцев – подзывая меня к себе.

Я с удовлетворением подумал, что хотя у него какая-то сверхъестественная интуиция и он, как кошка от землетрясения, уходит из-под любого обстрела за день, за час, за минуту, но все-таки трижды мы его достали: этих пальцев он лишился при взрыве осколочной гранаты, бронебойная пуля калибра 12,7 мм сидит у него где-то в брюхе и, по нашим данным, осколочными ранениями у него разворочена вся нижняя часть туловища – надеюсь, в паху. Во всяком случае, с тех пор как он получил это ранение, никто в дагестанском селе Карамахи, где живут родители его жены-даргинки, не поздравлял этих родителей с появлением новых внуков...

Но он улыбается, блин, и, должен признать, улыбка очень идет его широкому, смуглому лицу. Черные и слегка выпуклые, как у всех арабов, глаза, черные и выющиеся длинные волосы, черные борода и усики, и этот че-геварский берет

набекрень. Улыбаясь, он беспалой рукой призывно зовет меня к себе.

И хотя я знаю, что к этому человеку нельзя приближаться, ведь он расстреливает пленных и добывает их ножом — просто так, *показывая* «студентам» своих учебных центров, куда и как нужно убивать, я, как замороженный идиот или позер перед этой Кимберли, все-таки двигаюсь, иду, приближаюсь к нему.

А Хаттаб растет... увеличивается в росте... и улыбка его становится какой-то неестественно широкой, акульей... и — едва нога моя ступила на бруствер, как из автомата Хаттаба вместо пуль хлынула в меня некая смертельная энергетическая волна, какое-то губительное облучение, и я, умирая, пригнулся, скукожился и с удивлением сказал: «Мама, а умирать не больно!»

И — умер, а затем... проснулся.

На часах было 5.30 утра, за окном было темное ночное небо. Я проснулся на земле, в Москве, в своей квартире на Беговой улице и на своем диване, но с какой-то острой болью в груди, в ее левой стороне. Попытался заснуть, повернувшись на другой бок, и не смог. В груди что-то кололо и тянуло так, что я подумал: наверное, я только что пережил свою смерть, микроинфаркт.

Я встал, сходил в туалет. Потом лег, но заснуть не мог, грудь все болела.

Что было делать?

Я пошел на кухню, открыл холодильник. Там было пусто, да и есть не хотелось.

Я постоял у окна, массируя ладонью левую часть груди и проверяя – это невралгия, мышечная боль или что-то в глубине? Похоже, что в глубине. Я постоял еще, глядя на ржавые крыши гаражей во дворе, темные соседские дома и начинающийся рассвет. Разве умирать действительно не больно? И почему я сказал это маме? Неужели именно ее я успею вспомнить в момент смерти? И почему мне приснился Хатаб? Ведь я уже не в конторе, я на пенсии...

Минут через десять я все-таки лег и уснул и во сне укатил на Черное море или на какой-то другой теплый берег. Помню, я бежал босиком по желтому песку и языкам прибоя, смотрел на чаек, на редких – при мартовском солнце – курортников и думал: а жить стоит! Стоит жить!..

Но пробуждение пенсионера, выброшенного из деловой рутины... о, зачем я буду это описывать? Каша «Быстров» из трех злаков, заправленная для вкуса горстью изюма, – вот вам завтрак пенсионера. Телефон, который молчит, как покойник, – вот вам утро пенсионера. Телевизор, где теперь на всех каналах идет такая победоносная борьба с бандитизмом, что хочется нырнуть в экран и набить морду создателям этой мути. Грязное и будто черствое после длинной зимы окно. Рев бульдозеров на стройке Третьего кольца в квартале от нашего дома...

Бриться или да ну его?

Недавно слышал по «Эхо Москвы», что по ночам у мужчин эрекция каждые полтора часа. Но с тех пор как меня выбросили на пенсию, где моя эрекция? И вообще, у пенсионеров бывает эрекция?

Да, вспомнил: нужно заплатить за квартиру, за электричество – или да ну его? Нужно что-то купить на обед, что-то приготовить – или да ну его? Слава Богу, у меня в Сбербанке еще лежат какие-то слезы, но что я буду делать, когда и они высохнут? Может, мне подохнуть? Зачем я живу? Раньше я хоть питался там, на работе, а придя домой, обходился куском колбасы с хлебом и нырял в Стивена Кинга, Нельсона де Миля, Николаса Иванса, Дина Кунца и Майкла Крайтона – нет, не в эти дубовые переводы, которыми завалены сейчас все книжные прилавки, а в оригиналы, которые брал в нашей служебной библиотеке. И пусть это не «top literature», не элитная литература а-ля Курт Воннегут или Кундера, но люди умеют писать так, что захватывает с первой страницы и держит до конца абсолютной достоверностью любого поворота интриги. А от чтения отечественных королей и королев уличной книготорговли я давно отказался – это «осетрина второй свежести», эрзац и желудевый кофе. Как, знаете, в финансовом мире есть настоящая валюта: доллар, марка, фунт стерлингов; а есть рубли, белорусские «зайчики», украинские гривны – фантики для употребления в СНГ. Так и наша Агата Кристи с Петровки, 38, и Незнанский из германского Гармиш-Партенкихен – от обоих разит гнилью вто-

ричности и потом их литературных негров...

Но теперь мне и западное чтиво обрыдло, мне пора не жить. Зачем мне жить? Что еще может случиться в моей грёбаной жизни?

Я натягиваю финский, с оленем из «шашечек», свитер образца 1980 года – тогда для нас, для каждого управления по очереди, закрывали на час «Военторг» и позволяли отовариться импортом; вот кое-кто из таких недотеп, как я, и ходит по сей день в свитерах двадцатилетней давности. По этому признаку – у кого финский свитер в «шашечках», а у кого «мерседес» – легко определить, «кто есть who» в нашей конторе.

Затем я надеваю свою старую камуфляжную куртку и вывожу – силком, насильно, за шкуру, как собаку, – вывожу себя из квартиры. Потому что если я останусь, то, конечно, покончу с собой – или газом отравлюсь, или повешусь. Я вызываю лифт; грязная крыша кабины подплывает ко мне за решеткой; я клацаю дверью, захожу в кабину и нажимаю кнопку. Вот так вкалываешь-вкалываешь и думаешь: все, завтра начнется настоящая жизнь! А потом клац – и оказывается, завтра – это уже вчера...

Только бы по дороге никто не остановил лифт и не зашел в кабину! Я не хочу видеть ни соседей-стариков, которые знают меня с детства, ни новых русских, которые скупили уже половину квартир в нашем доме и перестраивают их евроре-монтами так, что со всех сторон грохот и стук целыми дня-

ми; я потому и должен вытащить себя на улицу, что в 10 утра надо мной взвизгнут какие-то сверла и застучат молотки...

Я выхожу на улицу. Беговая гудит и чадит постоянными пробками. Слава Богу, моя квартира хотя бы смотрит во двор. Солнце, мартовская оттепель, плюс шесть или даже восемь тепла. Люди идут кто в магазин, кто к трамвайной остановке, а кто в подземный переход. Но куда мне идти? На работу не нужно, а на прогулку – зачем?

Я застегиваю куртку и иду в сторону Ленинградского шоссе. Потом я дойду до Белорусского и, если смогу, заставлю себя идти дальше, просто идти. Идти и злиться – на себя, на погоду, на грязь и пыль, на это жлобье вокруг и особенно на молодежь. Какого хрена они не уступают дорогу? Чему они лыбятся? Почему матерятся? И откуда у этого двадцатилетнего хмыря «мерседес», а у этой сучки «лексус»? Блин, а разве я не мог продать Березовскому информацию по башкирской нефти? А с Быкова я не мог слупить тысяч сто у.е. за досье на Лебеда? А когда мне предлагали перейти в службу безопасности «Мост-Банка», почему я не пошел? А теперь кто возьмет в частную структуру меня – пенсионера? Это только министры, уйдя с поста, тут же находят себе работу в фирмах и банках, куда они загодя отогнали бюджетные бабки. А ты дерьмо, отработанная порода, навоз. Даже бабы смотрят сквозь тебя как сквозь ничто...

Посторонитесь, пенсионер идет!

Господи, этот хмырь, который в мусорке роется, – не мой

ли дублер? Ему, поди, тоже лень сварить себе кашу «Быстрое», вот он и придумал шарить по мусоркам...

...Голос был тихий и берегущий дыхание, поскольку говорить или, точнее, дышать он мог только верхней частью легких.

– Поедешь ко мне... Рыжий тебя отвезет... В спальне есть секрETER... В нем фотки... Найдешь фото телки по имени Полина... Если привезешь эту Полину сюда до того, как я сдохну, получишь десять штук...

Я удивленно смотрел на него. Крупный, красивый тридцатисемилетний брюнет, сын украинки и чеченца, бывший самбист, бывший бандит, а ныне крутой бизнесмен и мультимиллионер... Но сейчас даже от такого короткого монолога он взмок до испарины. И вообще у него три пулевых ранения, причем одно в области паха. И капельница подключена к вене, и еще какие-то провода тянутся из-под бинтов на груди к экранам двух мониторов. Так на хрена ему телка?

Кожун чуть повернул голову к рыжему начальнику своей охраны, сидевшему подле двери. Остальные четверо быков с легальным оружием стояли по ту сторону двери этой явно элитной, валютной больничной палаты.

Рыжий приблизился к его кровати.

Кожун шевельнул пальцем.

Рыжий сунул руку под пиджак, но достал не пистолет, а пухлый кожаный бумажник, набитый деньгами, отсчитал десять зеленых сотенных и протянул

мне.

– Аванс... – тихо сказал Кожун и закашлялся, кровь брызнула изо рта на больничное одеяло.

Я посмотрел на деньги, на Рыжего, потом на Кожуна. В нашей картотеке он значился под фамилией «Кожлаев Роман Расимович, криминальный авторитет по кличке Кожун. Родился 02.05.1963 в Мытищах Московской области. Образование: 10 классов. Специализация: рэкет, внедрение в крупные бизнесы – строительный, казино, рестораны, ночные клубы. Первые деньги сделал на чеченской нефти. В августе 1998 г. состояние умножилось на порядок. Контакты...» Самое поразительное было то, что он вызвал в больницу меня – меня, который разрабатывал и вел его четыре года, словил в двух его казино чёрный нал и закрыл их. Меня, которого он пытался купить и убить...

– Ну! – сказал мне Рыжий. – Поехали!

Я посмотрел ему в глаза и взял деньги.

Когда это было? Полгода назад? Пять месяцев? Да, в сентябре... Тогда я еще работал и не думал о пенсии. А теперь у меня пенсия 2300 деревянных в месяц и красно-бордовая книжечка подполковника ФСБ, которую я не сдал и хрен когда-нибудь сдам, потому что по ней я могу бесплатно ездить в общественном транспорте и входить в любые двери. Вот, правда, и все, что дала мне родина за двадцать пять лет верной службы. Впрочем, вру. Она давала мне массу возможностей продать ее целиком и в розницу в Афгане, нажиться за ее счет в Чечне, хапать слева и справа от ее имени в Москве

и черпать ложками и даже лопатами в провинциях, как это делают иные в нашей конторе – достаточно посмотреть, на каких они ездят машинах: при зарплате двести баксов в месяц у них «мерседесы», «БМВ» и «форды». А у меня? Почему у меня ни хрена нет, кроме квартиры, которая осталась после отца? Кому нужна моя честность, сколько она стоит? Десять лет назад я прилетел из Чечни, где отсидел две недели, добывая документы на самые первые миллионные махинации с авизо, – и что? Еще оттуда, из Грозного, я позвонил домой и спросил: «Какая у вас погода?», а жена сказала: «Ой, у нас уже снег! Мы ночью встали, а за окном снегу!...» «Кто – мы?» – удивился я, поскольку дочке тогда было всего три года. «Ну, это я фигурально...» – ответила она. Но, прилетев ночью из Грозного и добравшись к утру домой, я обнаружил, что в моей постели с моей женой кувыркается какой-то хмырь – действительно фигурально!

Я, как был, с портфелем в руке, вышел из квартиры и пешком – по снегу, сквозь октябрьскую метель – пришел с Алтуфьевского шоссе на Беговую, к матери. С тех пор я тут и живу, маму похоронил еще семь лет назад, дочь не видел уже шесть лет – после того как из конторы ей автоматически стали отправлять алименты, эта сука, ее мать, сделала все, чтобы дочка меня отвергла, отрезала. А я... Ну не мог же я объяснять пятилетней дочери, что ее мать просто блядь. Вот и получилось, что «папа от нас ушел, он нас бросил», чего моя дочь, которой я простыни гладил перед сном, чтобы спать ей

было теплее, и подле кровати которой я спал на полу, когда она болела, – эта дочка меня и отвергла...

А документы про чеченские аферы с авизо – о, мое тогдашнее начальство умело сунуло их под сукно, заработав на этом, я думаю, не на один «мерседес»...

– Садитесь, папаша...

Это кому? Мне? Блин, еще вчера говорили: молодой человек! А сегодня... Хорошо же я выгляжу!

В бешенстве я даже вышел из вагона. А потом шел по улице и чувствовал – хочу подраться. Да, подраться с кем-нибудь из этой молодой шпаны. И тут как раз этот козел с бритой башкой – стоит, сука, на стремянке, чинит неоновую вывеску магазина «ВСЕ ДЛЯ ДОМА» и бросает вниз инструменты. Отвертка и пассатижи прямо передо мной грохнулись, я поднял голову:

– Эй, ты что?

– А чё?

– А ничё, тут люди ходят!

– Да пошел ты, козел старый!

– Куда?

Он удивился, слез со стремянки, молодой и наглый акселерат ростом с меня, но предупредил честно:

– Ё...ну счас!

Стою и думаю: челюсть ему сломать или ребро? И вдруг он – эдак презрительно, сквозь зубы – плюнул мне в лицо. Тут я думать перестал, отвернулся, будто утираясь, и с раз-

ворота хукнул ему в зубы так, что он, падая, ими подавился. Кровь, крик, он подскочил, схватил отвертку. Пришлось руке ему свернуть. Может, сломал, – не знаю.

Пошел себе дальше. А он остался лежать на подвернутой руке, вопить: «Убью! Сука!»

Пришел домой, налил себе, конечно, полстакана – думаю, за что пацану зубы выбил?

Выпил, успокоился – точнее, задумался.

Что ж я теперь, так и буду ходить и искать, кому отомстить за то, что они молодые, а я – в тираже?

Подошел в прихожей к электросчетчику, спрятанному в нише за стеклянное окошко. Открыл это окошко, сдвинул наверху стальную заслонку и достал из тайника полиэтиленовый пакет со своими папочками. А в папочках – копии тех дел, которые я вел в конторе. Конечно, этих документов у меня дома быть не должно. Да только пошли вы подальше со своими правилами!

Грозный, авизо... Нет, эти документы уже никому не продашь, это история.

Братск, целлюлозный комбинат...

Воркута, угольные шахты...

ОППГ – организованная питерская преступная группировка...

Убийство Листьева. Стенограммы допросов его друзей и «близких»...

«Бэнк оф Нью-Йорк», расшифровка кой-каких «семей-

ных» разговоров по мобильным телефонам относительно той красивой операции увода последнего транша МВФ в оффшоры, после чего рубль рухнул и вся страна была ограблена своими же банкирами...

Снова Чечня, война генералов за крышевание над самопальными нефтяными скважинами и ставки блокпостов за нелегальный проход бензовозов...

Швейцарская фирма «Нога» и продажа за границу оружия, включая «С-300» и вертолеты «Черная акула»...

Казино «Париж», «Мон ами», «Генуя» и «Шишкин». Все четыре принадлежали сначала совершенно разным людям, а потом – одному Кожлаеву...

Было около десяти вечера, когда Рыжий привез меня на Софийскую набережную, в кожлаевскую квартиру стоимостью как минимум в два миллиона долларов. Я и не знал, что в Москве существуют такие. Она занимала целый этаж, но дело не в этом. Дело в наборном паркете, лепных потолках, коврах на полу, картинах в золоченых рамах на стенах, хрустальных люстрах, антикварной мебели, фарфоровом камине, мраморе на кухне и джакузи в ваннных. А самое главное – в просторе, воздухе и виде из широких окон на Москву-реку. Да, вот, оказывается, как должны жить люди. Но у нас как люди живут только бандиты...

Рыжий провел меня в спальню величиной со стадион, с огромной и круглой, как плавательный бассейн, кроватью и зеркальным потолком. Почему-

то здесь, в спальне, под картиной кого-то из малых голландцев, взятой в тяжелую золоченую раму, стоял белый старинный секретер. Наши бандиты переквалифицировались не только в бизнесменов, но и в искусствоведов – собирают только старину и начало двадцатого века.

Рыжий открыл этот секретер. Там всю нижнюю полку занимали стопки фотографий, сделанных «Полароидом», который лежал тут же. Даже без объяснений Рыжего было ясно, что Кожлаев фотографировал каждую, кто побывал в этой спальне. Он фотографировал их голыми, в позах, достойных обложек самых крутых порножурналов. Такого количества (и качества) обнаженных задниц и сисек я тоже не видел никогда в жизни. Но нужно отдать должное Кожуну – у него был высокий стандарт. Я имею в виду: это не были дешевые шлюхи с Тверской, бляди из его собственных казино или «ночные бабочки» из «Метелицы», «Титаника» и «Найт флайт». Нет, это были девочки на порядок выше, то есть другого калибра и другой стоимости. Где он брал этих русских Клаудиа Шиффер, Пэм Андерсон и Синди Кроуфорд?

Я вопросительно глянул на Рыжего. В моей картотеке он значился под фамилией «Банников Виктор Васильевич, 1969 года рождения. Детдом... колония для малолетних преступников... Школа милиции... СОБР... Чечня... С 1997 года – телохранитель у Кожлаева, затем – начальник его службы безопасности. Специализация: выбивание долгов, крышевание и

рэкет». А на вид – никогда не скажешь. Субтильный, ясноглазый очаровашка с открытым лицом инструктора ЦК ВЛКСМ...

– Фотки надписаны, на обороте, – сказал он.

Я стал смотреть оборотные стороны этих фото. Но кроме имен и дат (да и то не на всех), на них ничего не было. «Катя, 20.4.1997», «Вика, 22.9.1999», «Света», «Жанна, 11.7.2000», «Ольга, 9.7.1999», «Наташа» и т. п. Снова Катя, но уже другая, и опять Света, Вера, Наташа, Жанна, Инга, Оля... Где-то после двадцатой Светы я все-таки нашел Полину (без даты) и спросил у Рыжего:

– Эта?

Он пожал плечами.

Я пролистал остальные фотки – еще штук двести, но Полины больше не было ни одной. Я снова стал рассматривать эту Полину. Очень высокая, совсем юная, не старше семнадцати, лучисто-зеленые глаза, открытая доверчивая улыбка, детские припухлые губки, лицо и русые волосы норвежско-варяжской княжны, длиннющие ноги и фигура манекенщицы, хотя сисечки для этой профессии слегка великоваты... Фотография явно пожелтела...

– Давно он ее снимал? – спросил я у Рыжего.

Но Рыжий опять индифферентно пожал плечами.

– А где он брал этих девок?

Рыжий насмешливо улыбнулся:

– Заказывал по телефону.

– Где?

– Я думаю, по справочной. «09».

Я положил фотографию в карман и пошел к выходу.

– У тебя есть мобильник? – спросил Рыжий за моей спиной.

Мне претит эта манера нынешней молодежи «тыкать» всем и вся, но тут я пропустил это мимо ушей.

– Есть.

– Если найдешь эту телку, сразу позвони.

Я кивнул. Час назад, когда я приехал в Склифосовского, врачи сказали мне, что Кожлаеву осталось жить максимум сутки. Следовательно, если я хочу получить еще девять кусков, в моем распоряжении только 23 часа.

Но почему этот Кожун вызвал не моего шефа, который два года назад прикрыл мое расследование деятельности шести фирм Кожлаева, а меня – своего врага, которого он не смог ни купить, ни убить? И почему, зная, что вот-вот умрет, Кожлаев заказал мне найти какую-то телку, а не тех, кто его подстрелил?

Что-то шарахнуло в пустотелой стене за счетчиком, словно там кирпичи обвалились от грохота евроремонта, и в тот же миг свет погас во всей квартире. Зато за счетчиком вверху открылся широкий просвет и послышались голоса...

– Василь, ты же насквозь ё...нул!

– Ну и фуй с ним! – ответил другой голос.

– Козлы, вы кабель перебили! – крикнул я в дыру, сунул свои папки под обувную тумбочку и пошел наверх права качать.

Козлами оказались два хмыря белорусского разлива, хо-

тя, судя по качеству их работы, главным козлом был, конечно, тот мудака, который нанял их сделать евроремонт в точно такой, как у меня, квартире. Эти белорусы раздолбали все стенки между гостиной, спальней, кухней и туалетом, сняли полы, ободрали со стен обои и теперь выламывали сантехнику. Спортзал тут будет, что ли? Или боулинг?

– Эй, мастера гребаные, вы мне свет вырубили! – снова сказал я им.

– Ладно, мы те сейчас времянку бросим, – ответил старший и добавил: – Братан, выпить охота. Принеси бутылку, мы те с полочки отдадим, а ты выпьешь с нами.

Я посмотрел в его наглые голубые глаза.

– Умный ты! – сказал я. – Чистый Лукашенко!

Вот уж действительно – каждый народ достоин того президента, которого имеет. Или – который *имеет* их?

Мой первый визит был, конечно, в муниципальную милицию, в «блядский» отдел. То есть, извините, в полицию нравственности (надо же выдумать такое название!). Правда, там пасут не таких, как Полина, а главным образом Тверскую и Садовое кольцо, зато ребята по-свойски дали мне пару наколок в «Монте-Карло» и в «Титанике». Но было уже около трех утра, в «Монте-Карло» я никого не застал, а в «Титанике» диск-жокей, поглядев на фото, сказал:

– Такие телки есть только в «Ред старс» или у Бейлиса и Бодулина.

– Это еще кто такие?

– «Ред старс» – это модельное агентство, а Бейлис и Бодулин снабжают телками олигархов.

– А как мне их найти?

– Попробуй «Липс» у Белорусского вокзала. Это их клуб, они там пасутся...

«Lips» я нашел не без труда, хотя это действительно рядом с Белорусским – в подворотне на углу 2-й Тверской-Ямской и Александра Невского. В полутемном зале музыка гремела так, что черные стены и черный потолок резонировали, словно мембраны. В воздухе слоился дым от сигарет с привкусом нечистой марихуаны. У бара толпились рослые нимфетки четырнадцати-шестнадцати лет с лилово-темным окрасом век, яркой губной помадой, сигаретами в кроваво наманикюренных пальчиках и с глазами подзаборных лахудр. Вокруг стояли низкие столики, заляпанные пивом и окурками, за этими столиками такие же нимфетки сидели в обществе пятидесятилетних козлов с полужнакомыми лицами не то депутатов Думы, не то персонажей из картотеки МУРа. Впрочем, на первых они смахивали больше, поскольку рядом, на углу 2-й Тверской-Ямской и Лесной, за мощным кирпичным забором стоит гигантский, величиной с квартал, многоэтажный жилой дом депутатов Думы с квартирами улучшенной планировки. Сутенеры и хозяйева борделей всегда стараются быть поближе к своей клиентуре.

Не успел я подойти к бармену насчет Бейлиса и Бодулина, как вся эта публика вдруг подхватилась

и ринулась в соседний зал, где, как оказалось, началась демонстрация мод – из какой-то щели в стене на длинный язык нарисованного на черном полу подиума стали одна за другой выходить голые – в одних лифчиках и трусиках – девицы и явно непрофессионально, хотя и под музыку, демонстрировать не столько нижнее белье, сколько самих себя.

Но публика азартно аплодировала, поглядывая на яйцеголового лысого мужика, стоявшего во главе подиума. Приглядевшись, я вспомнил, где видел его: на экране, когда смотрел кассету скрытой видеосъемки отлета Березовского на его собственном «боинге» из Шереметьево. Тогда, за два дня до назначения Путина премьер-министром, БАБ вдруг примчался в аэропорт, и одновременно сюда же прикатил еще один «мерседес» с четырьмя роскошными девицами и этим яйцеголовым. Проследив, как девицы – действительно первый класс, под стать той Полине, которую я теперь ищу, – поднялись по трапу в самолет, яйцеголовый вернулся в «мерс» и укатил, а минут десять спустя самолет с БАБом и девицами отбыл в Киев.

Через неделю от одной из этих девиц мы узнали подробности этого вояжа: БАБ слетал в Киев поздравить Кучму с предстоящим назначением на пост российского премьера не Примакова, своего заклятого врага, а Путина; и Кучма, по словам девицы (которая могла и приврать), за эту замечательную новость подарил БАБу не то «бентли», не то «ягуар», выгуливал

их на своей загородной даче, играл им там на гармонии и пел. Спать с девицами, правда, не стал, уехал, но девицы все равно получили от яйцеголового по штучке за поездку...

С трудом дождавшись в «Липс» конца этого копеечного шоу, я сунул яйцеголовому под нос свои корочки и увел его в черную щель в стене, за которой оказался душный закуток-каморка. Тут я предъявил ему фото Полины и взял его на арапа:

– Это твоя телка. Нам нужен ее домашний адрес, срочно!

– Я американский гражданин, – вдруг сказал он. – Вы не имеете права! Я в наше посольство...

– Ах ты, сука эмигрантская! – перебил я, разыгрывая бешенство. – Я те сейчас яйца оторву и пошлю в ваше гребаное посольство! – И для убедительности схватил его за пах. – Адрес, быстрее!

– Да откуда у меня? – струхнул он. – Я ее уже два года не видел!

– Не физди! Адрес! Случилось убийство. Не дашь ее адрес, пойдешь по статье. Ты понял? – И я на пол-оборота свернул его мужское достоинство.

– Да, да, понял... Минутку... Так бы и сказали... – Он достал из кармана пиджака электронную записную книжку с крошечным английским кийбордом, торопливо набрал на этом кийборде «Polina Suhovey» и сказал: – Адреса у меня нет, только телефон. 765 32 17.

– Мобильный, что ли?

– Наверное...

Модные супермаркеты типа «Рамстор» и «Седьмой континент», конечно, не для меня. Там все продукты вдвое дороже, чем в моем продмаге на углу Беговой и Боткинского проезда. Впрочем, и в этом продмаге я могу позволить себе покупать только глазированные сырки, «чудо-творожок» или семирублевый йогурт в бумажной упаковке. Ну, еще соль, сахар, плавленые сырки. А в основном я питаюсь с рынка, который, на мое счастье, совсем недалеко от меня, по ту сторону Ленинградского шоссе, под забором спортклуба «Динамо». Рынок этот вырос самопально из лотков, киосков и торговых будок, сдвинутых мэрией с Ленинградского проспекта – парадного пути в международный аэропорт Шереметьево. «Держит» этот рынок, как ни странно, не азербайджанская мафия, а тверская, и потому здесь почти нет продавцов с кавказскими лицами. И цены, конечно, куда ниже, чем на Ленинградском или Черемушкинском рынках. Правда, и грязь тоже наша, расейская, – ни павильонов, ни навесов нет, ларьки стоят прямо на земле, зимой тут окоченеешь, пока пройдешь до конца ряда, летом задохнешься от пыли, а сейчас, в марте, приходится месить грязь ботинками – благо у меня еще жива кирза из последней чеченской командировки.

Что я тут покупаю? Картошку, лук, капусту, подсолнечное масло и – изредка (скажем, на Новый год и 23 февраля), как память о прошлой жизни – небольшой кусок свининки. Этих

ингредиентов мне хватает на густой картофельно-овощной суп, который я варю сразу на неделю, а на второе у меня или жареная картошка, или картошка в мундире. Хлеб я беру в нашей булочной в Боткинском проезде...

Конечно, от всей этой картошки, на которой я практически и живу, живот постоянно пучит, как у лошади от овса или у солдат от перловки. Впрочем, может быть, и не от картошки. Ведь говорят же «старый пердун». Так что меня, наверное, от старости пучит, а не от картошки...

(Кстати, немцы этих утробных звуков совершенно не стесняются. Но это я так, к слову.)

Мобильник Полины Суховой был отключен. Пришлось ехать в «Би-Лайн», на улицу 8-го Марта, и пробиваться чуть ли не к президенту «Вымпелкома», чтобы получить доступ к их компьютерной картотеке. В 8.15 утра я все-таки добыл адрес, по которому «Би-Лайн» посылал счета Полине Суховой: Малая Бронная, 32, кв. 16.

В 9.12 я был уже там. Когда у вас есть деньги, любой частник за пару сотен пролетит с ветерком через центр Москвы даже в часы пик, нужно только выбирать водителей не старше тридцати.

Из машины я позвонил своему шефу полковнику Палметову и сказал, что беру на сегодня отгул...

Однако как я ни спешил, а из двадцати трех часов, которые были у меня в запасе, восемь уже корова языком слизала.

Тридцать второй дом на Малой Бронной оказался семиэтажным зданием с недавним евроремонтом снаружи и внутри. Свежеокрашенный в палево-бежевые тона, оконные стеклопакеты, новенькие балконы с лепными карнизами... Поскольку ни кода от парадной двери, ни номера домофона я не знал, пришлось ждать, когда кто-то выйдет из подъезда. Впрочем, в 9 утра публика теперь только-только отправляется на работу, так что с этим проблем не было, в 9.17 я уже нырнул в подъезд, лифтом поднялся на шестой этаж. Конечно, и сам подъезд, и лифт были тут тоже обновлены, не то что у нас на Беговой. И вообще место хоть куда – Патриаршие пруды, самый центр, интересно: это ее собственная квартира или она ее снимает?

В 9.19 я нажал на кнопку дверного звонка квартиры номер 16.

Но за дверью – ни звука. Блин! Впрочем, что же ты хочешь, сказал я себе, девочка на работе, где же ей еще быть в это время?

Я осмотрел дверь – дубовая, хорошая дверь, два немецких замка и глазок. Под дверью плетеный коврик без всяких следов пыли и грязи. То есть можно предположить, что хозяйка была недавно дома. Впрочем, тут вся площадка лестничной клетки чистая, как вылизана. Так что это скорее уборщица здесь такая старательная, ей, поди, платят по-божески.

Я спустился вниз, к почтовым ящикам. На мое счастье, они тут были еще старые, советские – зеленые и с дырочками в металлических дверцах. На дверце

с номером 16 за дырочками было пусто, и я почти успокоился – если она почту вынимает, значит, рано или поздно появится. Хотя «поздно» меня не устраивает, у меня time-bomb¹, как говорят англичане. Но и звонить этой Полине я не могу, это ее только спугнет. Нет, нужно набраться терпения и ждать...

Я вышел из подъезда, остановился. Был теплый и солнечный сентябрьский день, жизнь на Патриарших только начиналась и чем-то очень напоминала Брюссель моего детства: по зеленой воде пруда медленно плыли два белых лебедя; вокруг пруда по аллее бежали спортивного вида мужик с седым «бобриком» и совсем юная, чуть полноватая брюнетка с волосами, перехваченными черной лентой; здесь же на одной скамье – не той ли, где когда-то сидели Берлиоз и Бездомный? – лежал сонный бомж, постелив под голову газету; рядом на соседней скамье курили и пили пиво два подростка школьного возраста, явно прогуливая первые уроки; еще дальше, на углу сквера худощавый мужик в спортивном костюме и полнотелая молодая блондинка открывали свой цветочный ларек, раскладывая на выносной тележке-витрине заспанные гладиолусы и голландские тюльпаны: а по другую сторону пруда, возле медного памятника Крылову и деревянных зверей из его же басен, какая-то тетка кормила булкой наглых гулькающих голубей. Идиллия! И на периферии этой идиллии – реставрация старомосковских и сталинских домов

¹ Время-мина (англ.).

вокруг пруда и в соседних переулках, капитальные стройки с сохранением архитектоники прошлого, но с ультрасовременным внутренним наполнением: подземные гаражи, европланировка квартир, джакузи, зимние сады... Многомиллионные и даже миллиардные зарубежные инвестиции в московскую недвижимость...

Хотя я постоянно поглядывал на часы, время двигалось возмутительно медленно.

Если я дождусь эту Полину и привезу ее Кожуну, пока он жив, что я сделаю на десять тысяч? Машину куплю или сделаю евроремонт в квартире? Или продам, так и быть, душу любому олигарху, слуплю с него еще полета или даже сотку тыщ и обменяю свою квартиру на Беговой на квартиру здесь, на Патриарших?

В конце концов, что такое сто тысяч у.е., когда в городе, только внутри его Садового кольца, крутятся миллионы и даже миллиарды? И почему вся жизнь человека зависит от каких-то сраных ста тысяч? Сто тысяч у.е. – и я могу жить вот в таком элитном районе, любоваться из окна на плавающих лебедей и девушек, бегающих вокруг пруда. Сто тысяч – и я могу купить себе «мерседес» или по крайней мере «хонду». Сто тысяч – и я могу найти себе жену и новую жизнь...

Так неужели все это не стоит того, чтобы продать Быкову досье на Лебеда, Абрамовичу досье на Потанина, Ходорковскому досье на Авена – или наоборот?

Черный джип «лексус» подкатил к подъезду, водитель изнутри открыл заднюю дверь, и моя

высокорослая красотка выпорхнула из машины на тротуар. Блин, она была в порядке! Даже утром, после ночной смены, она была... – так выглядят голливудские звезды, так смотрится Шарон Стоун в фильме «Основной инстинкт», так в Париже в отеле «Креон» выглядела перед камерами Елена Березовская во время интервью БАБа относительно его конфликта с Примаковым. Впрочем, нет – закованные в свои светские «армани», «версаче» и косметику от Шанель, эти королевы выглядят нарочито холодными и мраморно-неприступными. А Полина... Конечно, с одной стороны, это была инопланетянка – так в детских сказках изображают богов, спустившихся когда-то с неба пожить среди людей и поставить их на путь цивилизации: высоченные красавцы и красавицы с небесными ликами и божественного сложения. Но с другой стороны – при всем ее почти двухметровом росте и светском прикиде была в облике этой Полины какая-то аура простоты, домашности и еще та особая сексапильная перчинка в каждом движении волос, плеч и бедер, которая разом будит в мужчине острый позыв и дикие желания...

Но я не мог подойти к ней сейчас – я не знал, как будут реагировать на это водитель «лексуса» и второй мордоворот, сидевший возле него, явный охранник того, у которого провела ночь эта Полина Суховой. Поэтому я с индифферентным видом закурил, посмотрел, как эта краля вошла в подъезд, открыв его магнитным ключом. Затем проводил глазами «лексус»,

машинально сфотографировав взглядом его номерной знак «М447ХМ», достал свой мобильник и позвонил Рыжему.

– Виктор, это Чернобыльский. Я ее нашел. Пришли за нами машину на Малую Бронную к дому номер 32. Желательно «мерседес»...

– Почему? – удивился он.

– Мы на других не ездим, – сказал я и дал отбой.

Десять штук были у меня в кармане. А эти суки в моей конторе сказали, что я спекся, выдохся и вообще «пора на заслуженный отдых, Павел Андреевич»...

Я выждал, пока дверь подъезда снова открылась – из него выскочил еще один утренний спортсмен в беговых кроссовках. Просто не район, а какой-то оздоровительный центр! Попридержав за ним дверь, я шагнул в подъезд. Как я и предполагал, кабина лифта уже стояла наверху, на шестом этаже. Я дождался ее спуска и поднялся к 16-й квартире, нажал кнопку звонка.

– Кто там? – послышался удивленный голос за дверью.

– ФСБ. Откройте.

– Кто-кто?

– Полина, это ФСБ, откройте! – И я подставил к глазку свое удостоверение.

С минуту она изучала мое удостоверение через глазок. (Кстати, глазок на нормальной высоте – метр шестьдесят, а не под ее высоченный рост, и, следовательно, это не ее квартира, а съемная...) Потом

из-за двери послышалось:

– А в чем дело?

Я убрал удостоверение и, зная, что она, все еще вынужденно пригнувшись к глазку, смотрит на меня, улыбнулся как можно душевнее.

– Не беспокойтесь, Полина, у нас к вам нет никаких претензий. Но нам очень нужна ваша помощь. Очень нужна, ей-богу...

Люди ужасно любят, когда в их помощи нуждаются органы власти. Особенно силовые.

Она приоткрыла дверь на цепочке, и ее зеленые глаза оказались надо мной, а расслабленное полусонное тепло ее грудок – почти рядом.

– Что вы хотите? – спросила она сверху вниз.

Самое честное было сказать: я хочу тебя, и немедленно. Но я, конечно, этого не сказал.

– Полина, я не могу через дверь. Возьмите мое удостоверение, посмотрите его еще раз. Я подполковник ФСБ Чернобыльский Павел Андреевич. Вы нас очень обяжете, если разрешите мне войти на минутку...

Две старушки соседки с нижнего этажа торчали под моей дверью, а жэковский слесарь ковырялся в моем замке.

– В чем дело? – удивился я, выйдя из лифта и увидев эту компанию.

– А воду надо выключать, когда из дома уходишь, – сказала одна старушка.

– Залил нас совсем, – добавила вторая.

Я похолодел. Неужели я в таком маразме, что не выключил воду, уходя из дома? Но разве я принимал утром душ? Я ведь даже и бриться-то уже дня три как не бреюсь...

– Минуту! – Я отодвинул слесаря, открыл дверь и вошел в квартиру.

Старушки с видом пытливых следопытов поспешили за мной, чтобы взять меня с поличным.

– Вот видишь! – показали они на лужу в прихожей. – И нас залил. Будешь платить за ремонт...

Я по луже шагнул в ванную, но там все краны были закрычены, и на кухне тоже, и в туалете. Я поднял голову – так и есть: с потолка капает, вся стена мокрая.

– Это белорусы, – сказал я и кивнул слесарю: – Пошли наверх!

Командой народных мстителей мы поднялись на этаж выше, я без всякого звонка толкнул дверь верхней квартиры.

Там, прямо от порога, весь пол «стадиона», в который превратилась эта квартира, был залит свежим цементным раствором, и этот цемент обильно орошал резиновый шланг, подсоединенный к водопроводному крану. А хмыри, сидя на двух табуретах в углу «стадиона», то есть на бывшей кухне, где цемента еще не было, заправлялись пивом, огурцами и хлебом.

Правда, увидев наши решительные лица, они подхватились, и один Лукашенко сказал другому:

– Ты, блин, опять воду не выключил? Ну, козел!

Старушки открыли рты, призывая на хмырей все мыслимые и немыслимые напасти. А я сказал слесарю:

– Саша, с ними нехер разговаривать. Вызывай начальника ЖЭКа, пусть акт составит...

Ехать к Кожлаеву Полина отказалась наотрез.

– Но почему? – изумлялся я, кое-как освоившись с нашей разницей в росте. – Это же больница. Там ничего не будет...

– Нет!

– Я гарантирую, что с вами ничего не случится...

– Нет! Уходите!

– Минуту! Полина, послушайте. Он умирает, ему жить осталось несколько часов. Будьте гуманны...

– Очень хорошо, пусть подохнет!

– Знаете что? А давайте я вам заплачу. Хотите пятьсот долларов? Просто съездим туда и обратно. А?

– Нет, я сказала: я не хочу его видеть!

– Но вы же берете деньги, Полина... – сказал я как можно мягче.

– Да, я беру деньги, – ответила она спокойно. – Но к Кожуну я ни за какие бабки не поеду.

– Почему?

– Это мое дело. Все, уходите. У меня в три кастинг, я должна выспаться.

– Хорошо, дайте мне ваш паспорт.

– Зачем?

Но я не стал объяснять. Когда девушка выше вас на целую голову, это сначала смущает, а

затем раздражает. Окинув взглядом ее уютное, с евроремонтом, однокомнатное гнездышко, я увидел на окне палево-розовые гардины, рядом с окном – софу и телевизор «Самсунг», в алькове – двуспальную кровать, покрытую розовым покрывалом, в пенале кухни – идеальный порядок, все белое – холодильник, плита, кофейник; а по другую сторону комнаты – трельяж и косметический столик. И на стене несколько огромных фотографий хозяйки – не эротических, а из каких-то дорогих женских журналов типа «Элит» или «Космополитэн». И на этих фото Полина была просто отпад – юная фея с картин Боттичелли...

Но я не стал рассматривать эти фото, а уверенно подошел к трельяжу, открыл косметический столик и тут же увидел то, что мне нужно – два паспорта, внутренний и зарубежный. Под ними лежал фирменный конверт «Эр Франс». Я взял оба паспорта и конверт.

– Не смейте! – бросилась ко мне Полина.

– Спокойно! Я из ФСБ. За сопротивление властям есть статья, ты знаешь? – Я открыл ее паспорт, пролистал. – Так, паспорт из Нижнего Новгорода, а московская регистрация кончилась три месяца назад. Ты тут живешь нелегально... – Я открыл конверт «Эр Франс», там был билет в Париж на послезавтра. – И ни в какой Париж ты не полетишь, мы тебе выезд за рубеж вообще закроем. – Я достал свой мобильник, набрал на нем какой-то номер и сказал в мертвую трубку: – Валерий Иванович, добрый день, это Чернобыльский. Пожалуйста, запишите для шереметьевской таможни:

Суhowerей Полина Степановна...

– Не нужно, – устало сказала Полина. – Хрен с тобой, я поеду.

Я посмотрел на часы. Сколько отсюда до Склифосовского? По моим подсчетам, «мерседес» Кожлаева уже должен подъезжать к Малой Бронной. Но чтобы не стоять с Полиной на улице, я все-таки набрал номер Рыжего. И услышал:

– Чернобыльский, можешь расслабиться, он умер.

Я оторопел:

– Как умер?

– Ну, как умирают? – насмешливо произнес голос Рыжего, мне показалось, что я даже вижу его усмешку. – За родину, наверное... Короче, оставь себе аванс и отдыхай. Пока.

И он дал отбой.

Они пришли вечером – начальник ЖЭКа и какая-то дама лет тридцати, маленькая и черноглазая, как японка, но в дорогой шубке из темной норки и в черных сапожках из тонкой кожи, плотно облежавших ее кегельные ножки.

– Вы видите? – сказал ей начальник ЖЭКа. – Вода прошла отсюда по стволу электрического коллектора. Залила весь пол и стены – вот, обои еще сырые и паркет разбух. И просочилась вниз, там весь потолок посыпался...

– Хорошо, – сказала ему женщина. – Вы составили смету? – И повернулась ко мне: – Сколько, вы думаете, я вам должна?

Я понял, что это хозяйка верхней квартиры, и промычал:

– Ну, я не знаю... Нужно посчитать... – И посмотрел на начальника ЖЭКа, который делал мне большие глаза, явно предлагая слупить с этой дамы раза в три больше, чем стоил бы ремонт, и поделиться с ним наваром.

Но что-то в темных глазах этой дамы говорило мне, что слупить с нее не надо, нельзя.

– Не знаю... – повторил я.

– Приезжайте завтра, мы все подсчитаем, – тут же сказал ей начальник ЖЭКа.

– Завтра я не могу, – ответила ему дама. – У меня муж в больнице, я и сегодня заехала только на две минуты. Послушайте, – вдруг обратилась она ко мне, – вы пенсионер? Полковник ФСБ?

– Подполковник, – уточнил я.

– А вы не могли бы присмотреть за этими рабочими наверху? Муж в больнице, и у меня совершенно нет времени следить за их работой. А без присмотра... вы же знаете, как у нас работают. Я вам заплачу, не беспокойтесь.

– А что я должен делать?

– Ну, просто следить за ремонтом. А если вы понимаете в строительном деле... – Она посмотрела на часы. – Знаете что? Мне через десять минут нужно быть в больнице, а то врачи разойдутся. Вот моя визитка. – Она открыла маленькую черную сумочку, достала визитку и протянула мне. – Позвоните и приезжайте ко мне на работу, мы там все обсудим.

И захватите с собой смету на ущерб, причиненный вашей квартире и квартире нижних соседей. Как вас звать?

Я посмотрел ей в глаза:

– А что с вашим мужем?

– К сожалению, инсульт.

Российский Промышленно-инвестиционный Банк

СОЛОВЬЕВА Инна Петровна

Заместитель председателя правления

Начальник юридической службы

Кандидат юридических наук

Москва, ул. Палиха, 46.

Тел. (095) 452 12 73. Факс (095) 452 12 79.

E-Mail: solovyova@rpib.ru

Здание банка было новенькое, красно-кирпичное, семиэтажное, у входа в два ряда стояли «мерседесы», «БМВ» и импортные внедорожники. На гранитном крыльце дежурили крутоплечие охранники. Хотя на улице было по-прежнему всего плюс шесть или восемь, они были только в костюмах.

Впрочем, я тоже был не в зимнем пальто и даже не в куртке. Собираясь к Соловьевой, я привел себя в божий вид – побрился, извлек из шкафа свой единственный выходной костюм, надел белую сорочку и галстук. Конечно, в китайском плаще, финском костюме восьмилетней давности и с несвежим галстуком я все равно выглядел скорее милицейским дубарем, чем щеголем из ФСБ, но – I did my best, то есть я,

как говорят американцы, сделал все, что мог.

– Вы к Инне Петровне? Чернобыльский? Идемте, я вас провожу.

Новенький лифт... ковровая дорожка на полу коридора... маленькая приемная с секретарем... небольшой, но дорого обставленный кабинет с видом на Палиху... телевизор, книжный стеллаж и стол, на котором в рамке с косой черной лентой – портрет сорокалетнего толстяка с залысиной и большими умными глазами.

Я изумленно посмотрел на Соловьеву. Только теперь я сообразил, почему она вся в черном – платье, лента в волосах и даже чулки.

– Да, – подтвердила она. – Он умер... вчера. Но вы садитесь. У меня есть четыре минуты, потом я должна ехать в Верховный суд, на процесс. Отменить я его не могу, поэтому я на работе, несмотря на смерть мужа... – Она заглянула в свой настольный календарь. – Павел Андреевич, правильно?

Я кивнул.

– Извините, я сразу к делу. Вы принесли смету вашего ущерба?

Я положил на стол бумагу, составленную и подписанную начальником и главным инженером нашего ЖЭКа. Хотя начальник ЖЭКа уговаривал меня слупить с этой Соловьевой тысячу долларов, я посчитал, что мой мелкий косметический ремонт (который я все равно делать не собираюсь) должен стоить две сотни, а у нижних соседей – от силы полторы.

Соловьева бегло глянула вниз страницы на «итога» и тут же открыла тумбу письменного стола, достала тонкую пачку новеньких пятидесятидолларовых купюр.

– Я вижу, вы не рвач, спасибо, – сказала она, отсчитала ровно 350 долларов и подвинула ко мне. – Но это не все. Я хочу попросить вас об одной услуге. Дело в том, что эту квартиру купил мой муж. Вообще-то мы с ним живем... то есть жили, за городом, в Пахре, у нас там дом. Но ему было долго ездить на работу, он был юрисконсультот гостиницы «Аэростар», это рядом. И когда подвернулась эта квартира возле работы, он ее взял так, на всякий случай. И рабочих тоже он нанял. Но теперь... Мне эта квартира не нужна, я буду ее продавать. Поэтому вот вам еще 150 долларов, рассчитайте этих горе-рабочих. Я, честное слово, не знаю, сколько мы им должны. Если не хватит, вы мне позвоните, хорошо? Только не завтра, завтра похороны. Ладно? – И она встала из-за стола, показывая, что спешит.

– Конечно. – Я тоже встал. – Инна Петровна, примите мои соболезнования.

– Спасибо, – ответила она.

На ипподроме шел ремонт трибун, но по мокрым и еще грязным дорожкам уже катили двуколки – жокеи выгуливали коней по первой солнечной погоде, и кони с явным удовольствием бежали по кругу, высоко вскидывая свои тонкие сильные ноги. Был в их красивом грациозном беге даже какой-то завораживающий эффект.

Честно говоря, живя столько лет рядом с ипподромом, я никогда не увлекался бегами и не заглядывал сюда чуть ли не с детства. Но теперь... Теперь я вот уже третий день прихожу к гостинице «Бега», стою у металлической решетки ограды ипподрома, смотрю на бегущих по кругу лошадей и думаю...

Нет, я бы не сказал, что я думаю о чем-то определенном. Я пенсионер, о чем могут думать пенсионеры? Наверное, мне полагается думать о внуках, но у меня нет ни внуков, ни даже дочери... Может быть, мне полагается вспоминать прожитые годы и «битвы, где вместе сражались они». Но вспоминать битвы в Чечне – нет, нет, упаси меня Бог от этих воспоминаний! А вспоминать своих бывших женщин – зачем?

Нет, я ничего не вспоминал, ни о чем не думал, а только стоял и смотрел на бегущих по кругу лошадей. Если нет фарта, то его нет, как ни крути. Десять тысяч долларов уже практически были у меня в кармане – во всяком случае, я их честно заработал, я нашел эту Полину Суховой. И – все обломилось. И даже мелкий заработок – курировать ремонт верхней квартиры, долларов двести можно было на этом получить – тоже лопнул в связи со смертью мужа этой Соловьевой. *You are a loser, mister Chernobylsky.* Ты неудачник, ты проигрываешь все, что можешь...

А лошади все бежали по беговой дорожке. Они круто выгибали шеи и хвосты, ритмично стучали копытами, гордо скидывали головы, и их шоколадные крупы влажно блестели под солнцем. Я любовался ими невольно, и какое-то зыб-

кое ощущение весеннего тепла, солнечно-знобящего ветерка и позыва к движению, к бегу вдруг стало заполнять мои суставы, расслабленные бездельем и отчаянием старости...

Какого черта?

Какого черта я тогда не выяснил, почему Кожлаев перед смертью хотел увидеть эту Полину?

Какого черта она отказывалась ехать к нему даже за деньги?

И кто стрелял в Кожлаева?

И что стало с его казино, строительными фирмами, прочими бизнесами и квартирой на Софийской набережной?

А что, если...

Или – да ну его?

Нет, а в чем дело? Почему бы мне, в самом деле, не попробовать – так, ради любопытства... Ну и ради ее зеленых глаз, конечно. В конце концов, разве я не имею права посидеть на скамейке у Патриарших прудов – просто посидеть, как пенсионер. И случайно встретить ее: «О, Полина! Здравствуйте, как поживаете? Извините, что я тогда так грубо...» Нет, лучше сразу на ты, по-свойски: «О, Полина! Привет, как поживаешь?» Да, именно так, сверху вниз, покровительственно. Ведь с бабами самое главное сразу взять верный тон – то есть быть хоть чуть-чуть, но выше. А если покажешь им, что они чего-то стоят или что ты их, не дай Бог, поставил на пьедестал, – все, пиши пропало. Нет, только на ты, сразу на ты...

Как назло, именно в эту субботу с ночи вдруг пошел снег.

Да, весь март было плюс шесть – восемь, все уже думали, что весна, а оказалось – дудки, ни с того ни с сего минус пять, и утром метель со снегом. Лебеди на Патриарших обиженно уплыли в свой зеленый дощатый домик; цветочница спрятала гладиолусы и тюльпаны в киоск; на поплавке-ресторанчике, что возле памятника Крылову, официант опустил матерчатые грибки и унес под навес стулья из-за столиков; на детской площадке тоже никого; «бегуны от инфаркта», промочив в снегу свои «найки», разбежались по домам; и даже на стройке соседнего жилого дома для новых русских рабочие ушли на перекур.

Я подмерз вышагивать по дорожке вдоль заснеженных скамеек. Туда-сюда мимо подъезда Полины, туда-сюда... Конечно, были бы деньги, можно было бы зайти в кафе «Маргарита», что рядом с домом Полины, или в бар «Под роялем», или в «Экипаж» – тут эти заведения со всех сторон пруда, воистину как в Брюсселе, Париже или Амстердаме. Но и цены такие же! На мою месячную пенсию в этом районе нельзя даже пообедать.

Девять утра...

Десять...

Одиннадцать...

Я уже изучил все эскизы будущих здешних дворцов, вывешенных на заборах новостроек, а также все вывески и витрины кафешек, бутиков и маленьких продовольственных магазинчиков. И я уже устал вскидываться и напряженно зами-

рать каждый раз, когда у подъезда Полины притормаживает очередная машина. Черт возьми, а кто мне сказал, что она *каждый* день приезжает домой после девяти утра? И вообще, может быть, она сейчас в Париже, в Лондоне, в Риме... Она же сказала тогда, что у нее кастинг. То есть она не профессиональная проститутка, а модель. Или это одно и то же? Во всяком случае, она сейчас может быть за границей на каком-нибудь фестивале мод или просто с любовником. А я тут мерзну, как последний дурак...

Я подошел к ее подъезду. О, тут появился последний штрих евроремонта – новенький домофон с инструкцией на красивом медном щитке. Следуя этой инструкции, я набрал сначала «0», а потом номер квартиры – «16».

– Who is it?² – вдруг спросил из домофона мужской голос.

– ФСБ, – ответил я и добавил по-английски: – Open up!³

К моему изумлению, дверь тут же негромко загудела, я потянул ее на себя и открыл.

Затем, гадая, кто же это мне ответил – или я ошибся и набрал не 16-ю квартиру? – я поднялся лифтом на шестой этаж. Дверь 16-й квартиры была открыта, в ней стоял какой-то взлохмаченный конопатый парень в шортах и майке «Toronto Maple Leafs».

– Oh, shit!⁴ – сказал он. – Я думать, это Fed-Ex. Who are

² Кто там? (англ.)

³ Откройте! (англ.)

⁴ О, черт! (англ.)

you?⁵

– I'm from FSB, Federal Security Service.⁶ – И я показал свои корочки, но издали, не давая их ему в руки. – And you?⁷

– Вы должны знать, кто я, если звоните мне, – резонно ответил он по-английски. – Я Кристофер Рафф, корреспондент «Торонто стар».

– Nice meeting you,⁸ – сказал я по-книжному. – Is Polina home?⁹

– Polina who?¹⁰

– Полина Суховой. Девушка, которая жила здесь несколько месяцев назад.

– О, эта! К сожалению, она тут больше не живет.

– А вы не знаете, куда она переехала?

– Не-а...

– А вы давно здесь?

– Я въехал две недели назад. Она красива?

– Кто?

– Ваша Полина.

Я усмехнулся:

– Да! А почему ты спрашиваешь?

⁵ Я думал, это американская почта-экспресс. А вы кто? (англ.)

⁶ Я из ФСБ, Федеральная служба безопасности (англ.).

⁷ А вы? (англ.)

⁸ Приятно познакомиться (англ.).

⁹ Полина дома? (англ.)

¹⁰ Какая Полина? (англ.)

Он тоже усмехнулся:

– На случай, если она появится забрать свою почту.

Я заинтересовался:

– А ты получил ее почту?

– Только одно письмо.

– Дай посмотреть.

– Why? – разом напрягся он и перешел на русский: – Почему?

– Потому что я из ФСБ. That why, – сказал я жестко. – The girl has vanished, девушка исчезла, и мы ее ищем. Понимаешь?

– But that letter came from her mother. Or sister...¹¹

– Откуда ты знаешь?

– 'Cose I can read Russian!¹² – гордо ответил он. – Это написано на конверте: «от Нади Суховой». Надя – это женское имя, верно?

– Дай мне глянуть.

Он поколебался секунду, потом сказал:

– All right, come in.¹³

Вслед за ним я зашел в квартиру. И поразился: это был образец того, что может мужчина сделать из уютного женского гнездышка всего за две недели! Розовые гардины на окне заброшены наверх, на кронштейн, так, что окно оголено

¹¹ Но это письмо пришло от ее матери. Или сестры (англ.).

¹² Потому что я читаю по-русски (англ.).

¹³ Хорошо, входите (англ.).

и смотрит прямо в снежную замять и на крышу новостройки дома через пруд. Под окном вместо софы и телевизора, сдвинутых в угол, стоят табурет и стол с компьютером, принтером, факс-машиной, телефоном и грудой бумаг. Трельяж и косметический столик завалены деловыми папками и видеокассетами, на полу стопки книг, три фотокамеры и магнитофон. На всех стенах вместо исчезнувших фотографий Полины вкривь и вкось наклеены или пришпилены кнопками длинные служебные факсы, вырезки из русских и нерусских газет и notes – памятные записи на листках из блокнота. В пенале кухни полный бардак – гора немытой посуды, грязный кофейник на сковородке. А в алькове на двуспальной кровати хаос из простыней, подушек и шерстяного пледа, и посреди этого хаоса попкой кверху лежит практически голая нимфетка с лицом девицы из ночного клуба «Lips».

– Приветик! – бесстрашно махнула она мне голой ручкой и, повернувшись на бок так, что мне открылись все ее спелые прелести, чиркнула зажигалкой, закуривая «Мальборо».

А Кристофер снял со стены конверт, висевший на кнопке.

– Вот, – сказал он по-русски. – But you cannot take it with you. Just take a look here.¹⁴

Я не стал спорить. В конце концов, парень хочет сохранить шанс увидеть Полину, а мне это на руку.

– Хорошо, – сказал я, считывая на конверте адрес отправителя: «Надя Суховой, ул. Приволжская, 16/3, Нижний

¹⁴ Но вы не можете забрать его. Посмотрите здесь (англ.).

Новгород». – Let's make a deal. Давай договоримся. Я даже не открою этот конверт. Зато... – Я посмотрел на нимфетку, слушавшую наш разговор, и спросил у нее: – Do you speak English?¹⁵

– Nupp!¹⁶ – усмехнулся Кристофер.

– Fine,¹⁷ – сказал я. – So, as soon as she comes here to pick it up, give me a call. All right? Here is my number...¹⁸ – Я написал на конверте номер своего домашнего телефона и приклеил этот конверт обратно на стену. – All right?¹⁹

– Sure,²⁰ – сказал Кристофер.

– До свидания, спасибо. – Я пошел к выходу.

– Good by, – сказала мне вслед нимфетка, махнув ручкой и качнув спелыми яблоками своих сисек.

Кристофер проводил меня до двери и даже вышел за мной на лестничную площадку.

– Всего хорошего, извини за беспокойство, – сказал я ему по-английски.

– Ничего, – ответил он по-русски. И вдруг, поколебавшись, добавил, снова перейдя на английский: – Между про-

¹⁵ Ты говоришь по-английски? (англ.)

¹⁶ Нет (англ.).

¹⁷ Отлично (англ.).

¹⁸ Как только она появится за письмом, ты мне позвонишь, хорошо? Вот мой номер... (англ.)

¹⁹ Идет? (англ.)

²⁰ Конечно (англ.).

чим... Я хочу вам кое-что сказать...

– Что?

– Вы не первый, кто ищет ее.

– Неужели? – деланно удивился я. Было бы странно, если бы никто из любовников не искал эту красотку. – И кто это был?

– Well... – ответил Кристофер. – Знаешь, я всего несколько недель в вашей стране, но, мне кажется, я уже научился различать этих типов. Хочешь взглянуть на него?

– Что ты имеешь в виду? – теперь уже искренне удивился я. Как я могу увидеть того, кто искал тут Полину?

– Постой здесь, – сказал Кристофер и ушел обратно в квартиру, а через минуту вернулся с большим желтым конвертом, вытащил из него три фотографии и протянул их мне.

И тут-то у меня вытянулось лицо. На всех трех фото был Рыжий – Виктор Банников, собственной персоной, снятый сверху, из окна 16-й квартиры мощным объективом одной из тех фотокамер, которые лежат там, на полу, на стопке книг. Рыжий Виктор, выходящий из подъезда... Рыжий Виктор, которому телохранитель открывает дверь кожлаевского «мерседеса»... И Рыжий Виктор, садящийся в машину...

Н-да, эти иностранцы, которые теперь приезжают к нам, подкованные ребята.

– Ты знаешь его? – спросил Кристофер, заметивший, конечно, изумление на моем лице.

– Немного...

– Он бандит?

– В прошлом... Когда он тут был?

– Две недели назад. В первый же день, как я поселился.

– Что он сказал?

– Он сказал, что эта девушка должна ему много денег. Он дал мне номер своего телефона и сказал, что заплатит мне, если я сообщу ему, когда она придет за своей почтой или мебелью.

– Ты сохранил этот номер?

– Конечно. – И Кристофер показал мне надпись на том же конверте с фотографиями: «768 43 20». Но это не был мобильный Рыжего, это был номер мобильного телефона Кожлаева.

Однако на сей раз я уже владел своим лицом и никак не выдал своих эмоций.

Но Рыжий-то каков! Ездит в «мерсе» Кожлаева, пользуется его мобильником и еще ищет, его бывшую телку! Мазохист он, что ли?

– Thank you, Chris, – сказал я, пожимая руку канадцу. – Надеюсь, ты мне позвонишь. Спасибо еще раз.

– Good luck, – ответил он и добавил по-русски: – Удачи. Между прочим, у тебя хороший английский. Британский...

– Thanks...

Я вышел из подъезда и поднял голову к окнам на шестом этаже. Сверху, из открытого окна шестнадцатой квартиры на меня смотрел телевик фотокамеры. Я усмехнулся и привет-

ственно поднял руку. И Крис, держа в одной руке фотоаппарат и снимая меня, приветственно поднял вторую.

Н-да, думал я, шагая по снегу в сторону Садового кольца, этот парень далеко пойдет. Даже у нас в Москве...

Однако представить себе, *как далеко* может пойти этот Крис у нас или в Канаде, я не успел – буквально через тридцать шагов, на углу Малой Бронной и Благовещенского переулка, как раз у забора стройки новой «элитки», передо мной вдруг остановился внедорожник «чероки», трое лбов быстро вышли из него, тут же взяли меня под локти и, сунув под правое ребро что-то тупое, как дуло, сказали негромко:

– Не дергайся. В машину.

Мне не завязывали глаза, не связывали руки, и вообще все было вполне цивилизовано и корректно. За исключением, конечно, того, что у меня под ребром все время держали дуло.

«Чероки» выехал из Москвы и покатил по заснеженному Рублево-Успенскому шоссе. Была суббота, чуть после полудня, пустое шоссе переметало солнечным снегом почти по Пушкину: мороз и солнце, день чудесный... Если бы слева и справа меня не прижимали эти «шкафы», лучшей погоды для загородной прогулки и не придумаешь. Я знал, что заговаривать с этими бугаями без толку, и просто смотрел на дорогу. Мы миновали Раздоры, потом «Царскую охоту». Теперь по обе стороны дороги пошли приснеженные ельники и дачные заборы, за которыми стоят свежие, только-только построенные трехэтажные кирпичные хоромы наших но-

вых бояр-нуворишей. Их просто распирает от показного богатства и самоуверенности. Страна, которая всего пятнадцать лет назад формально принадлежала народу, а тайно – маленькой корпорации по имени «ЦК КПСС», теперь принадлежит им, обитателям Рублевки, Николиной горы и еще двух-трех элитно-курортных зон, и они не скрывают этого, а, наоборот, кичатся своей властью и деньгами, ездят в «мерседесах» и «ауди» с мигалками и сиренами, строят себе дворцы и даже привозят итальянских дизайнеров, кипрский мрамор и французскую старинную мебель – совсем как когда-то графья Шереметев или Орлов.

В Жуковке машина свернула с шоссе налево и въехала в распахнувшиеся перед нами ворота большой двухэтажной дачи. Я узнал ее – это была дача Кожлаева. Когда-то, давным-давно, в моей прежней рабочей жизни меня уже привозили сюда – правда, без конвоя. Тогда Кожлаев предлагал мне 50 тысяч зеленых, чтобы я не закрывал два его казино. А когда я отказался, спросил:

– А сколько ты хочешь?

– Нисколько.

– Не физди! А то я не знаю ваши приколы! Налетаете на казино, находите причину его закрыть и называете цену. Все так делают. Сколько ты хочешь?

– Я же сказал: нисколько.

– Па-ачему? – удивился он, сдерживая свой вспыльчивый темперамент, но уже выходя из чистого московского произ-

НОШЕНИЯ В КАВКАЗСКИЙ АКЦЕНТ.

– Потому что это моя страна, всех вы тут не купите.

– А не купим – перестреляем... – усмехнулся он, достал из ящика стола «глок» и стал стрелять, явно беря меня на арапа – пули за моей спиной уходили в карельскую березу стенной обшивки буквально ореолом вокруг моей головы. – Ну? – говорил он после каждого выстрела. – Ва-азьмешь деньги? Лучше вазьми!

Но я знал, что Кожлаев – мастер спорта по стрельбе, и не дрогнул. Во всяком случае, наружно.

– Сука! – сказал Кожлаев, расстреляв всю обойму. – Неужели правда закроешь мне казино?

– Закрою.

– И бабки не возьмешь?

– Не возьму.

– Ну и мудак! Увезите его...

Он был абсолютно прав. От того, что у него стало на два казино меньше, казна не пополнилась ни центом, дефолт не был отсрочен ни на день и моя зарплата не увеличилась даже на рубль!

...Но теперь вместо Кожлаева меня в том же парадном холле дачи хозяйски встретил Рыжий – Банников Виктор Васильевич. Точнее, это меня провели к нему после того, как дивизия его охранников обыскала меня в прихожей тщательно, до исподнего.

Рыжий сидел у камина в домашніх тапочках на босу но-

гу и в банном халате, подкладывал в огонь сухие березовые поленья и ворошил их изящной кочергой из витого чугуна.

– Так! – сказал он. – Ну, колись: зачем ты к ней пришел?

С бандитами, как с бабами, тоже важно сразу взять верный тон. Я усмехнулся:

– У нас любовь.

Рыжий невольно улыбнулся, представив, наверное, меня рядом с этой Полиной.

– Ну-ну... – сказал он. – И где же она?

– Она... – Я тянул время, соображая: Рыжий живет на даче Кожлаева, ездит в его «мерсе», пользуется его телефоном и уже как минимум две недели держит под наблюдением квартиру Полины – потому меня и сгребли там его молодчики. А Полина съехала с квартиры, бросив даже свою мебель. И значит...

– Ну? – нетерпеливо сказал Рыжий. – Где твоя любовь?

– Тебя нужно спросить, – сделал я первый ход. – Это ты ее спугнул?

Он хмыкнул:

– Хм, соображаешь... И все-таки какие у тебя с ней дела?

Так, сказал я себе, спокойно. С этим парнем нужно быть начеку. Кожлаев поручил мне найти Полину, и врачи сказали, что он проживет двадцать четыре часа. Но стоило мне позвонить Рыжему и сказать, что я эту Полину нашел, как Кожлаев умер. Под охраной Рыжего... Идем дальше: две недели назад Рыжий почему-то сам стал искать Полину, но спугнул

ее так, что она съехала с квартиры. Виделся я с ней до этого, после смерти Кожлаева, или не виделся, он не знает, и ее новгородский адрес – тоже. То есть этот адрес на Малой Бронной, 32, который я назвал ему, когда сказал, чтобы он прислал туда «мерседес», – единственное, что он о ней знает, и потому держит под наблюдением ее квартиру, для него это единственная ниточка. Но зачем ему Полина? Сначала Кожлаев разыскивал эту Полину, а теперь Рыжий. Причем если он уже полгода знает ее адрес, то почему вышел на нее только две недели назад?

– Может, дашь мне выпить? – сказал я.

– Бери сам... – Рыжий кивнул на стойку бара, уставленную импортными бутылками.

Так, похоже, стрелять не будут, иначе выпить не дали бы. Я подошел к бару и коротко глянул за окно. Заснеженный двор был обнесен таким высоким бетонным забором, что у соседних дач даже крыш не видно. А сбоку, у веранды, орава дюжих, с офицерской выправкой охранников Рыжего жарила на мангале шашлыки, и в форточку потянуло бараниной так остро, что у меня разом подвело желудок и слюна заполнила рот. То, что Рыжий завел себе профессиональную армейскую охрану, да еще раз в пять больше, чем была у Кожлаева, наводило на определенные размышления, но сейчас мне было не до них. Я сглотнул слюну, плеснул себе коньяк в пузатый коньячный бокал и спросил:

– Тебе налить?

– Нет, – сказал Рыжий. – Ну! Зачем ты к ней ходил?

– Хотел узнать, для чего Кожун вызывал ее в больницу. – Я сел за стол, наслаждаясь давно забытым вкусом хорошего коньяка. А этот коньяк был не просто хорошим, это был бархатно-мягкий настоящий французский «Старый миллионер».

– А на хрена тебе это знать?

– Да так...

– Ты ведь уже на пенсии.

Интересно, откуда он это знает? Неужели к Рыжему перешли не только дом и машина Кожлаева, но и его связи в нашей конторе?

– А? – требовательно сказал он, но тут в дверь просунулась голова пожилого секретаря-охранника с мобильником.

– Виктор Васильевич, Насурбаев.

«Ничего себе!» – подумал я, но удержал в лице индифферентность.

А Рыжий, коротко глянув на меня, взял трубку и сказал неожиданно угодливым голосом:

– Алло, добрый день, Султан Ашимович! То есть у вас уже вечер...

Я поразился этой трансформации. Рыжий вынужденно демонстрировал мне свою принадлежность к особой породе людей-хамелеонов, способных мгновенно переходить из одного образа в другой, из хамов и бандитов – в лстивых и мягких обаяшек и даже интеллигентов. Этот дар куда боль-

ше актерского, это почти полное перевоплощение – настолько естественное, словно в одном и том же человеке сидит несколько личностей, и он по мере необходимости просто меняет их, как костюмы или галстуки. Но это и самый опасный тип, потому что такие люди умеют предстать перед вами именно в том виде, который вам особенно приятен, а затем влезть под кожу, присосаться к вашим делам, деньгам и связям и выжать из вас все, что только можно и нельзя. Я думаю, этот дар должен быть у многих политиков, причем самых известных, и теперь я видел этот тип перед собой – в деле, в работе.

– Все получили? – говорил Рыжий каким-то особым, низким и обволакивающе-вкрадчивым, как вкус «Старого миллионера», голосом. – Ну что вы, Султан Ашимович, не стоит! Вы же знаете, для вас я всегда... Сколько? Еще шесть для средней школы?.. Я попробую... Да не в этом дело, Султан Ашимович! Что вы! Просто, вы сами знаете, их очень медленно печатают... Конечно, я постараюсь, о чем вы говорите?! Да это я понимаю!.. Нет, зачем? Я могу и в кредит... Спасибо... Конечно... Привет вашей дочке, до свидания... – Рыжий дал отбой, посмотрел на меня и объяснил уже совсем иным, будничным тоном: – Вот, оказываю эту, как ее, гуманитарную помощь – учебники посылаю Насурбаеву для средних школ...

– Здорово! – сказал я.

Действительно здорово – особенно если учесть, что

«учебниками для средней школы» мы в Афгане шифровали ракеты средней дальности полета. А теперь этот Рыжий поставляет «учебники» в Среднюю Азию. Интересно, он сам так высоко взлетел или и это ему досталось по наследству от Кожлаева?

– Масик! – крикнул Рыжий за дверь. На пороге тут же вырос пятидесятилетний не то секретарь, не то охранник. Рыжий протянул ему телефонную трубку: – Забери, бля! Меня нет, понимаешь? У меня аборт, месячные, сифилис – все, что хочешь! Ты понял?

– Понял, Виктор Васильевич. – «Масик», который был старше Рыжего почти вдвое, а носил собачью кличку, испуганно взял трубку и закрыл за собой дверь.

– Не дают расслабиться, суки! Даже в субботу... – пожаловался мне Рыжий. – Да, так что? Долго ты будешь мне яйца морочить? Зачем ты к Полине ходил?

– Я уже сказал. Я же на пенсии, мне делать нечего, вот и решил узнать, почему Кожун перед смертью именно ее захотел. Неужели она самая вкусная из всех его телок?

Рыжий долго – с минуту – разглядывал меня в упор, не веря, что я сказал почти чистую правду. Потом встал, подошел к бару, плеснул себе тоже коньяка в бокал.

– Ладно. – Он выпил и поставил бокал на стол. – Может, у тебя и правда бзик на нее, со стариками это бывает. Только учти: всей твоей годовой пенсии на нее и на раз не хватит. Это ты знаешь?

– Ты же сам выдал мне штуку прошлый раз. Как аванс. Не помнишь?

– И ты их не потратил?

– Нет. В Сбербанке держу, под проценты.

– Хорошо. Экономно живешь, молодец. Я хочу тебе еще помочь. Считай, что твой договор с Кожуном продлевается: если ты найдешь эту Полину, получишь с меня еще девять штук.

Я отрицательно покачал головой:

– Нет...

– Почему? – удивился он.

Когда-то в этой же комнате я уже сделал ошибку, отказавшись от денег. Теперь я не собирался повторять свою глупость и даже посмотрел на стену, где пули Кожлаева очертили в тот раз абрис моей головы. Но теперь там висела картина с идиллическим немецким пейзажем восемнадцатого века. Я сказал:

– Очень просто, Виктор. Тогда она спокойно жила в Москве, а теперь она прячется. Это меняет сумму прописью.

– Сколько ты хочешь?

– Тридцать.

Он усмехнулся:

– Десятки с тебя за глаза хватит.

– Тогда ищи ее сам.

– Ладно, двенадцать дам, но не больше.

– На женщинах нельзя экономить, Витя. Тем более в такой

день. Ты только что на учебниках лимон срубил.

Рыжий пристально посмотрел на меня, но я сделал наивные глаза:

– Я имею в виду – рублями...

– Пятнадцать, – сказал он.

– И твои производственные расходы, – тут же согласился я.

– То есть?

– Ну мало ли! Может, мне придется за ней в Сибирь ехать.

Я тебе представляю отчет.

– Ладно, хрен с тобой. Давай, Битюг, за работу! – Он хлопал меня по плечу, уже открыто демонстрируя свои связи с ФСБ – только там, в конторе, в кругу своих, у меня была эта кличка. – Тряхни стариной!

– Аванс нужен, юноша, – сказал я.

– Сколько?

– Пятерку.

– Масик! – опять крикнул Рыжий.

В двери снова возникло лицо пожилого секретаря.

– Принеси пятерку, – сказал ему Рыжий. «Масик» понимающе кивнул и исчез.

– Витя, – сказал я, – вопрос можно?

– Попробуй.

– На хрена тебе Полина?

– А тебе? – усмехнулся он. – Трахнуть я ее хочу. Бзик у меня на нее, понимаешь?

– Конечно, понимаю, еще бы! – усмехнулся я, не поверив ему даже на миг. – Меня отвезут в город?

И через десять минут, ликуя, грея в кармане конверт с пятью тысячами баксов и дивясь, как, оказывается, легко сделать в Москве тысячи долларов – куда легче, чем заработать даже сотню рублей! – я ехал по Рублевке обратно в Москву. Нет, все-таки зря оно называется Рублевкой. Если иметь в виду, сколько миллионов долларов проживает по обе его стороны от Москвы до Горок, то это шоссе уже давно пора переименовать в Валютное.

– Куда вам? – спросил водитель.

Конечно, если бы я ехал не в машине Рыжего, я бы первым делом остановился в «Царской охоте» и заказал себе дюжину мясных блюд. Мяса, мяса и мяса! Теперь я буду есть то, что хочу!

– В Москву, – сказал я. – На Пречистенку, 30.

– Это где «Тамерлан», что ли?

– А ты откуда знаешь?

Он усмехнулся:

– Любимое место шефа. Там берешь мясо любых сортов и сам себе жаришь.

Я изумленно посмотрел на него: неужели у меня с Рыжим действительно одинаковый вкус?

Часть вторая

Ребенок

Красиво жить не запретишь. Особенно на чужие деньги.

Поезд «Москва – Нижний Новгород» отходит с Курского вокзала в 23.40 и приходит в Нижний в 07.30 – совсем как «Красная стрела», только без питерских понтов – вагоны не красные, а обычные, зеленые. Зато «СВ» есть «СВ» – двухместные купе, чистые выглаженные простыни, два шерстяных одеяла на человека, на столике ужин в целлофановой обертке, и в такой же обертке маленький гигиенический набор с зубной щеткой. И проводница приносит чай в стакане с подстаканником – совсем как в старые времена.

Я дождался отправления поезда, убедился, что еду один в купе, разделся и с наслаждением улегся на своей полке в чистоту простыней. И усмехнулся, вспомнив старый анекдот: алкаш решил повеситься от полного безденежья, встал на табурет, сунул голову в петлю и заметил на шкафу недопитую «чекушку». Допил ее и увидел там же, на шкафу, чинарик. «А чё? – сказал он, раскуривая чинарик. – Жизнь налаживается...»

Это было как раз про меня. Я потянулся на полке, хрустнул вытянутыми руками и сказал почти вслух:

– А что? Может, и вправду налаживается...

Хотя среднестатистическая продолжительность мужской жизни в нашей стране всего 59 лет, а мне уже 56, но когда у вас в банке 5 тысяч долларов под 12 процентов годовых, мысли о добровольном уходе из жизни испаряются сами собой. Конечно, руководству Пенсионного фонда выгодно, чтобы мы умирали пораньше. Ах, если бы мы все сдыхали сразу по достижении пенсионного возраста, какие бабки они могли бы крутить через банки!..

Но – стоп!

Мне уже некогда рассуждать о коррупции и прочих язвах в наших верхах. У них своя жизнь, а у меня своя. И теперь моя жизнь зависит от меня самого – найду я эту Полину Суховой или не найду. Конечно, прежде, чем отправиться в Нижний Новгород, я проутюжил все московские ниточки. Но: в «Би-Лайн» мне сказали, что две недели назад гражданка Суховой отключила свой мобильный, а в «МТС» и в «Мегафоне» – что клиентки по имени Полина Суховой у них не было и нет; в милиции – что она не продлила свою московскую регистрацию; в агентстве «Серебряный век» (продажа и аренда недвижимости на Патриарших прудах), через которое Кристофер Рифф снял квартиру (\$ 700 в месяц!), – что действительно до него эту же квартиру у них снимала Полина Суховой, но примерно две недели назад она съехала в неизвестном направлении, оставив свою мебель в качестве компенсации за нарушение контракта. По поводу аренды новой квартиры она с ними разговор не поднимала; в модель-

ных агентствах «Ред старс», «Премьер» и «Империя» – что модели по имени Полина Суховей они не знают; и наконец, популярный певец, автор и продюсер молодежных хитов Надир Залоев, хозяин «лексуса» с номерным знаком «М447Х-М», в котором приехала домой Полина в то утро, когда умер Кожлаев, – этот Залоев, посмотрев на фото Полины, просто рассмеялся мне в лицо: «Дорогой, я больше одной ночи ни с одной телкой не сплю. Если я буду помнить их всех, у меня в голове места не будет песни сочинять!»

Глядя на его ясный, без единой морщины лоб, я понял, что он не врет.

Конечно, будь в моем распоряжении следственная группа, я, оправдывая свою давнюю кличку, отправил бы их прочесать все ночные клубы и казино, редакции журналов мод и фотографов, которые специализируются на съемках моделей.

Но поскольку я теперь кустарь-одиночка, я не стал терять время на эту «прополку чесом» и отправился в Нижний Новгород.

* * *

В наши дни знакомство с городом, куда едешь в командировку, отнюдь не обязательно начинать втемную или с вокзала в момент прибытия. Накануне поездки вы заходите в Интернет на сайт места вашего назначения и получаете лю-

бую информацию, включая карту города, сведения о погоде, культурных мероприятиях и даже адрес местного виртуального флирта.

Правда, никакого Интернета у меня нет, поскольку нет домашнего компьютера. Но и без Интернета можно было догадаться, что Приволжская улица будет у реки, возле набережной.

Однако еще давно, лет тридцать назад, я выработал у себя привычку, приехав в командировку в новый город, сначала как-то внутренне расположиться в нем, освоить его хоть чуток географически и узнать, где центр, обком и горсовет, управление КГБ и милиции. А после перестройки задача еще усложнилась – прежде чем начинать какую-то операцию, пусть самую малую, нужно выяснить не только где находятся мэрия, ФСБ и милиция, а еще и центры реальной бандитской власти.

Поэтому в Нижнем я с вокзала сначала поехал в гостиницу «Ока», где рядом с администратором всегда висит большое красивое табло «Свободные номера есть», а когда вы хотите снять номер, то оказывается, что они есть только по брони. Но с помощью моих «корочек» я все-таки снял простенький номер («всего» за 1200 рублей) и, приняв душ, отправился в центр, на Большую Покровскую улицу, которую все путеводители называют нижегородским Новым Арбатом. Впрочем, даже при весеннем солнце она не произвела на меня впечатления, и я прошел ее насквозь, не заинтересовав-

шись ни французским магазином «Ле Монти», принадлежащим нашим эмигрантам Леве и Моне, ни кукольным театром, ни салоном «Художественные ремесла» с местными сувенирами, ни книжным магазином, на открытие которого в каком-то подвале настойчиво зазывали тут уличные музыканты и ряженые. С тех пор как читающая публика – врачи, медсестры и учителя – стала нищей, многие наши книжные магазины уходят в подвалы и бомбоубежища, не выдерживая высокой арендной платы за нормальное помещение. Вот и здесь, на Большой Покровской, я насчитал три книжных магазина – и все в подвалах...

Зато, пройдя Большую Покровскую насквозь и выйдя к памятнику Чкалову, я попал на высокий волжский берег, и распахнувшаяся передо мной панорама километрового разлива вод в слиянии Волги и Оки, беспредельная, до горизонта, степь на той, пологой стороне, маленькие пахари-буксиры на воде и запахи еще мокрой земли, открывшейся под ставшим на косогоре снегом, – все это заставило меня остановиться и замереть на месте. Словно я вдруг, каким-то толчком изнутри, сразу понял, что мне действительно нужно в жизни и чего мне всегда в ней не хватало. Клочка земли и мотыги! Чтобы пахать, сеять, собирать урожай и зависеть только от себя самого, а не от государства, начальства и бандитов.

Но в пятьдесят шесть не начинают жизнь сначала, да и поди получи у нашего государства клочок земли!

Я вздохнул и, прогулочным шагом идя вдоль берега, об-

ратил внимание на соседнее кафе «Монмартр», подле которого припарковались три внедорожника «чероки», «Мерседес-600», две «БМВ», «форд» и «девятка» с затененными окнами. Двигатели их были включены, а в каждой кабине рядом с водителем торчало по бугаю со свойственными этому виду хомо сапиенс бетонными лицами и кирпичными шеями. Все машины стояли лобовыми окнами к кафе, словно там происходила «стрелка» и эти охранники должны были вот-вот выскочить из машин на выручку своих драгоценных хозяев. Хотя никакой статистики количества телохранителей и охранников у нас не существует, но и без нее можно уверенно сказать, что гигантская доля самой молодой и продуктивной (во всех смыслах) части мужского населения страны занята в совершенно непроизводительной сфере охраны тел и офисов новой российской элиты. Причем чем больше украл этот новый русский, тем больше он боится мести своих обозленных конкурентов и тем больше у него этих волкодавов-охранников...

Я вошел в кафе и сразу понял, что чутье меня не подвело – здесь сидела деловая, криминальная и силовая элита города. Хотя никакой разборки или «стрелки» не было. Сидя за маленькими столиками, господа нижегородские бизнесмены мирно завтракали апельсиновыми соками, яичницами и круассанами и живо, но вполне доброжелательно общались друг с другом. От настоящих парижан их отличало разве что отсутствие в руках свежих газет с биржевыми сводка-

ми (зато буквально перед каждым лежал мобильник), а между собой они разнились лишь некоторой свободой в одежде – представители чистого криминала в провинции еще не отказались от пристрастия к спортивным костюмам.

Впрочем, и те и другие сидели вперемишку и порой кто-то, поднимаясь, пересаживался к соседям.

Я прошел в глубину зала и сел за свободный столик.

Судя по тому, что все три официанта были молодыми крепкими парнями, место было и вправду крутое. Поэтому меня, как явно приезжего, а еще точнее – пришедшего пешком, поскольку «тачки» моей за окном не прибавилось, эти официанты упорно игнорировали.

Но я не спешил, делая вид, что читаю меню. Еще проходя через зал, я заметил за столиком у окна знакомое лицо и просто ждал. Наш этикет не позволяет здороваться с коллегами в общественных местах – мало ли какую операцию этот коллега сейчас проводит. Если обстоятельства позволят, он ко мне и сам подойдет, тем паче он моложе и младше по званию...

Деловую обстановку, некоторое броуновское движение и негромкие разговоры клиентов кафе то и дело прерывали телефонные звонки, на которые они отвечали односложными репликами:

– Да... Ты где?.. В Гааге?.. И сколько?.. Нет, на фуй!.. А когда?.. Ладно, сейчас не до этого, я подумаю...

Действительно, пару минут спустя человек, сидевший за

столиком у окна, оставил свою компанию и с чашечкой кофе подошел, сел за мой столик:

– Здравствуйте, какими судьбами?

– Здравствуй, Володя, – сказал я.

– А я слышал, вы на пенсии...

– Правильно слышал. Но родина, как ни странно, еще нуждается в пенсионерах.

– Понял, – кивнул он и отпил свой кофе. – Чем могу?

– Во-первых, успокой свою компанию, я тут по частному делу, даже личному...

– Усек. – Он улыбнулся и явно расслабился – и фигурой, и выражением лица. – А во-вторых?

– Во-вторых, скажи этим гребаным официантам, что я не ел с Москвы. Если через минуту у меня не примут заказ...

– Момент! – Володя развернулся к дрейфующим меж столиками официантам.

Эту сметку и способность немедленно угодить вашему желанию я заметил в нем еще пять лет назад, когда он был моим практикантом. Вечно моложаво-тридцатилетний и яснолицый, как студент-отличник, капитан ФСБ Володя Крашенинников тоже далеко пойдет, будьте уверены. Не успел он и руку поднять, как один из официантов подлетел к нашему столику, держа наготове крохотный блокнотик:

– Слушаю!

– Покорми человека, это наш гость! – со значением сказал ему Володя.

– Да, конечно. Что вы будете? – обратился ко мне официант.

– Апельсиновый сок, яичницу с сыром и чай.

– Советую блинчики с творогом, – сказал мне Володя.

– И блинчики, – согласился я.

– Хлеб нужен? – поинтересовался официант.

– Тостик сделай, – вместо меня ответил Володя. – Только быстро, сразу. Усек?

– Так точно, – ответил официант, и я тут же понял его главную должность в этом заведении.

А Володя, отпустив официанта, снова повернулся ко мне:

– Что-нибудь еще я могу?..

– Что тут за собрание?

– А вы не знаете? – И в ответ на мое пожатие плечами: – Да вы что! Путин приложил нашего мэра! Публично! В Думе! Теперь нашему мэру полный каюк – в сентябре у нас выборы! Я думал, вы по этому поводу...

– С какой стати?

– Ну мало ли! Например, чтоб бюджетные деньги не ушли на выборы.

Я сделал невинное лицо:

– А уходят?

Володя искренне рассмеялся:

– А то вы не знаете!

Я достал из кармана фото Полины Суховой.

– Знаешь эту девушку?

Володя взял фото:

– Хороша!.. Нет, к сожалению, не знаю. Кто такая? Наша, нижегородка?

Я кивнул, забрал фото.

– Мне нужен участковый по Приволжской улице. Зайти со мной в один дом.

Володя просиял:

– Как в деле Погосяна?

– Да... – Дело Погосяна было первым, на котором у меня практиковался Крашенинников, теперь я собирался применить тот же трюк.

– Понял. – Володя достал свой мобильник и набрал короткий местный номер. – Алло, дежурный? Это капитан Крашенинников из ФСБ. Мне Воронина... Костя? Это Крашенинников. У меня гость из Москвы, мой учитель. Да, тот самый, я тебе рассказывал. Правильно, Чернобыльский... Ему нужен твой участковый по Приволжской улице. Обеспечишь? – Володя повернулся ко мне: – На сколько вам?

– На полдня.

– На полдня, – повторил Володя в трубку. – Нет проблем? Хорошо, он к тебе подъедет... – Володя посмотрел на меня вопросительно.

– Через час, – сказал я.

...И через час я шел вдоль Приволжской улицы к Первой Речной, где находился местный райотдел милиции и его начальник майор Костя Воронин. По дороге остановился, ко-

нечно, у дома № 16, окинул его взглядом. Как и остальные дома на этой фабричной улице, это была двухэтажная хибара времен первых пятилеток. Балконы надстроены и застеклены самодельно, штукатурка на фасаде осыпается, и судя по телеантеннам на крыше, больше похожим на половые щетки, в доме всего шесть квартир. То есть работы даже не на полдня, а на пару часов.

* * *

Что вы сделаете, если вам нужно опросить весь дом, а вы не хотите светить свою принадлежность к ФСБ? Теперь, когда я на пенсии, могу поделиться своим ноу-хау, мой метод прост и чист, как пар из чайника: держа под локтем домовую книгу и деловую папку с большим блокнотом, вы поднимаетесь в сопровождении участкового на самый верх жилого дома, звоните в любую квартиру и представляетесь сотрудником ОРТ, НТВ или РТР. Поскольку с вами участковый, которого все тут знают, никто у вас документов не проверит. Вы говорите, что на месте этого дома будет, возможно, строиться ретрансляционная вышка и вы проводите предварительный опрос жителей с целью выяснить, в какой район они предпочитают переселиться и на какие квартиры могут претендовать, исходя из состава их семей, льгот Для ветеранов войны и прочее...

Что, по-вашему, делают люди, услышав о возможности

переселения в новую квартиру? Правильно: сходят с ума от радости, заводят вас к себе, усаживают, стараются напоить чаем – это как минимум. И рассказывают обо всем: как их предки сюда вселились еще до войны, что они тут только не пережили и так далее. А вы, сверяя состав их семей с домово́й книгой и старательно записывая, в какой район они хотели бы переехать, исподволь интересуетесь их соседями и постепенно подводите разговор к квартире, которая вас, собственно, и интересует.

Через час, побывав в трех верхних квартирах (с запахами лежалой и прорастающей в мешках картошки, с ароматами ржавых туалетов, сохнущего на кухнях детского белья, кошачьей мочи в прихожих и старой одежды на вешалках, с протертым линолеумом на полах и потолках в разводах давних потеков, с допотопной мебелью, телевизорами «Рекорд», раскладушками в гостиных и с холодильниками «Газоаппарат» на кухнях...) – так вот, через час, спускаясь со второго этажа на первый, я уже понял, что все мои столичные терзания и депрессия по поводу моей нищеты и мизерности пенсии – ничто по сравнению с тем, как живут люди в провинции. Даже работая – кто на автозаводе, кто в речном порту, – люди здесь тянут семьи на те деньги, которые я получаю на одного. И мне-то хоть платят регулярно – да и попробовали бы не платить своевременно пенсию ветеранам ФСБ при нашем полковнике в Кремле! Он же сам, став президентом, начал свое выступление в нашей конторе со слов:

«Ну, вот мы и добрались до руководства страной!». А здесь люди и зарплату порой не видят месяцами...

Ох, родина...

Но, главное, пройдя три верхних квартиры, я практически знал уже все или почти все о семействе Степана Ильича Суховея, проживающего на первом этаже в третьей квартире. Сам Степан Суховой – инвалид, ногу отрезало упавшим на стройке подъемным краном, пенсия по инвалидности. Жена – домохозяйка. Младший сын – еще школьник, в пятом классе и тоже инвалид – церебральный паралич. Но учится на отлично, сам в школу ходит, точнее – ковыляет, шесть кварталов одолевает за час. А дочь Полина в Москве, знаменитая модель, вице-мисс «Нижний Новгород» 1996 года, ее по телику показывали, и в журналах были ее фотки, «они вам покажут». А сюда она уже давно не приезжала – с тех пор, поди, как беременная была...

– Беременная? – переспросил я болтливую старушку. И тут же, пряча свой интерес, сунул нос в домовую книгу: – А у Суховеев только четверо прописано...

– Само собой, четверо, – сказала старушка. – Полинка мертвого родила. Оправилась и уехала, с тех пор мы ее и не видели.

– А когда это было?

– Да уже, поди, года четыре...

С этой интересной информацией я отправился в третью квартиру.

Она оказалась совершенно не такой, как предыдущие. Не то что богатой, нет, но вполне цивилизованной, аккуратной, со свежими обоями на стенах и каким-то импортным, под паркет, линолеумом на полу, с нестарой мебелью, телевизором «Самсунг» и даже компьютером на столике в углу, рядом с книжными полками, заваленными учебниками. И Степан Суховой с женой Надеждой – далеко не старые еще люди, меньше пятидесяти, и одеты не нищенски, а нормально – Степан хоть и на костылях, а в джинсах «Ливайс»...

Конечно, здесь, на первом этаже, нас уже ждали – слух о переселении всегда распространяется по дому быстрее пожара, и если вас интересует семья, проживающая на нижнем этаже, вы для того и начинаете обход с верхнего. И – наоборот. Главное, чтобы люди не замыкались, а встречали вас с открытой дверью и душой...

– Вам, как инвалиду, полагается, наверное, какая-то дополнительная жилплощадь? – спросил я у Степана Суховея, зная наверняка, что ни хрена ему не полагается.

Стоя у окна на своих костылях и куря в форточку, он потер щеку и усмехнулся, словно читая мои мысли:

– Ни хрена мне не полагается. Пенсию и ту уже третий месяц не платят!

– Да? Почему?

– А говорят, Москва все забирает, все налоги, а назад ни хрена не дает...

Это была только часть правды. Хотя Москва действитель-

но забирает из регионов все налоги, чтобы перераспределить их по-братски между богатыми и бедными областями, истинная причина задержки выплат пенсий и пособий по нищете отнюдь не в том, что Москва задерживает эти фонды, а в том, что по дороге сначала в Москву, а потом из Москвы эти деньги имеют чисто российскую способность исчезать и таять буквально на каждой инстанции. Иными словами, изначально-то хотели распределять бюджетные деньги как лучше, а получилось точно по Черномырдину.

Но я сделал вид, что мне это все в новинку, и изобразил изумление на лице:

– А как же вы выживаете?

– Да вот так, крутимся... – вставила Надежда Суховой и с укором посмотрела на мужа.

Он отвернулся к окну. А я, отметив про себя эту переглядку, сунул нос в домовую книгу:

– Итак, в этой квартире прописаны вы, ваш сын Кирилл... Где он, кстати?

– В школе, где же еще? – сказал Степан.

– Через час будет, – тут же добавила Надежда.

– И Полина Степановна, ваша дочь. Это она? – И я показал на большую Полинину фотографию, которую уже видел в Москве, в квартире Полины на Патриарших. Только на той метровой фотографии шестнадцати– или семнадцатилетняя Полина была в полный рост и практически обнаженная, если не считать узеньких лифчика и трусиков, а здесь та же фо-

тография была обрезана по плечи. Но – взята под стекло и в рамку.

– Да... – тихо ответила Надежда.

– И где же она? На работе?

– Она в Москве, учится, – сказал, не повернувшись, Степан. Похоже, он не умел врать, во всяком случае – в глаза.

Я проявил заинтересованность:

– Да? И кем будет? Артисткой?

– Посмотрим. Пусть выучится сначала, – сказал Степан и, явно меняя тему, повернулся ко мне: – А когда переселение?

– Это не в моей компетенции... – Я развел руками. – Мое дело – выяснить ваши условия. Поскольку НТВ компания частная, вы можете ставить какие-то условия переселения. Но в разумных, конечно, пределах. Дворцов мы вам не предоставим.

– Ну, нам нужно три комнаты, – сказал он.

– Три? – удивился я. – Если ваша дочь учится на артистку, она уже в Нижний не вернется. Кстати, она к вам часто приезжает? Когда она была тут последний раз?

– А это при чем тут? – нахмурился Степан.

– Потому что здесь не записан адрес ее временного проживания, а это непорядок. Она где живет-то там? У вас есть ее адрес?

– Извините, а вам зачем это? – как можно мягче спросила мать Полины.

– Очень просто. Если вы будете претендовать на три ком-

наты, то мы должны послать ей запрос и получить от нее письменное заявление, что она собирается и в дальнейшем проживать с вами, родителями, – нагло соврал я и продолжал для убедительности: – У нас, как вы знаете, бюрократия лучшая в мире, и бумажка – прежде всего! Все дети старше восемнадцати должны на момент переселения или быть с родителями, или письменно подтвердить, что не собираются от них отселяться. Кстати, о бумажках. Степан Ильич, если вы хотите квартиру на первом этаже, то заготовьте справку об инвалидности, это мой вам совет. А то переселят на какой-нибудь верхний этаж, а у нас лифты вы же знаете, как работают. Чубайс отключит электричество – и все, все лифты станут...

Такой заботой я его, конечно, купил, он подсел к столу: – Спасибо. А насчет Полины... Мы ей сами напишем и перешлем вам ее ответ. По какому вам адресу?

Я понял, что дальше жать на них нельзя, они вообще могут и не знать, что Полина сменила адрес. И сказал индифферентно:

– Ну, ваше дело, отдадите ее заявление участковому. А пока я у себя помечу: размер квартиры – в зависимости от письменного заявления старшей дочери. Кстати, ваши соседи сказали, что она моделью работает, так что я очень сомневаюсь насчет ее возвращения. Во всяком случае, вы, пожалуйста, поспешите с этой бумажкой, мы через неделю должны сдавать все данные в мэрию. У вас есть телефон? Позво-

ните ей...

– Нет, – сказала Надежда, – у нас нет телефона.

– Ну вот! – укорил я отца Полины. – Что же вы не сказали про телефон? Инвалидам при переселении положена квартира с телефоном. – И встал: – Спасибо за чай. Пошли, старшина, у нас еще две квартиры не обойдены...

Я вышел, как говорится, несолоно хлебавши, и участковый посмотрел на меня с сочувствием. Да я и сам ощущал, что что-то я тут не докопал, не выяснил. Но поскольку Суховеи, провожая нас, стояли в дверях, пришлось продолжить спектакль, позвонить в соседскую квартиру. Впрочем, я и не собирался уходить сразу после опроса семьи Суховеев – за то и дали мне в конторе кличку Битюг, что я всегда пропахивал все ниточки и следы до последнего. И здесь это отыгралось самым неожиданным образом: буквально в следующей квартире, когда соседка Суховеев стала показывать мне, в каком аварийном состоянии ее квартира, я, как бы изумляясь, сказал:

– Да, странно, почему у вас квартира в таком состоянии? Вот у Суховеев, ваших соседей...

– Еще бы! – желчно усмехнулась старушка. – Кабы мне каждый месяц возили по триста долларов, у меня бы хвартера и не такая была!

– А кто же им эти доллары возит?

– Кто, кто! Катька Ковалева из первой квартиры.

– С чего это?

– А от дочки ихней, от Польки. Катька проводницей в Москву ездит три раза в неделю. А Полька подолом там эти доллары собирает...

Остальное, как вы понимаете, было делом техники: посмотреть на эту Катю Ковалеву из первой квартиры (она оказалась школьной подругой Полины Суховой, только толще ее раза в три), выяснить у нее, как бы между прочим, когда она последний раз видела Полину (три недели назад, на Курском вокзале, «она мне всегда что-нибудь для родителей передает – то деньги, то шмотки, просто регулярно раз в месяц, очень замечательная девочка!»), да на всякий случай заглянуть на местную почту и договориться с начальником: в случае появления письма от Полины Суховой ее родителям это письмо должно сначала попасть в руки участковому милиционеру.

Больше мне в Нижнем Новгороде делать было нечего, страсти вокруг предстоящей избирательной кампании нижегородского мэра меня не интересовали. И, поужинав в ресторане «Подкова», где пиво было настоящее, бочковое, я с чувством выполненного долга отбыл ночным поездом в Москву.

Что у меня было?

Смотрю в свой рабочий блокнот, читаю документально:

1. Кристофер Рафф, тел. 290 53 17, звонить и спрашивать, не появлялась ли Полина.

2. Старшина Косинский, участковый, телефон в Нижнем – 45 32 12. Там же: начальник почтового отделения Шува Николай, тел. 45 44 21. Звонить обоим

и спрашивать относительно письма Суховеем.

3. Екатерина Ковалева, проводница, поезд «Нижний Новгород – Москва», вагон 9. Из Москвы отбывает по вторникам, четвергам и субботам, Курский вокзал, четвертая платформа, поезд подают в 22.50.

Если первые две подводки к Полине были весьма ненадежны, то на третью я рассчитывал стопроцентно. Подина, как я понимал, содержит родителей и брата и, следовательно, должна явиться на вокзал не сегодня, так завтра. А потому по вторникам, четвергам и субботам ровно в 22.50 я был на Курском. Здесь я обнаружил, что с четвертой платформы целых три подземных перехода к вокзалу, и, следовательно, дежурить, чтобы не упустить «объект», нужно у самого вагона Кати Ковалевой – но так, чтобы не привлекать к себе ее внимания.

Поэтому, приехав на вокзал, я шел к первому вагону поезда «Москва – Ростов», отбывавшему с соседнего пути одновременно с нижегородским. Показав проводнику свою фэсбэшную ксиву, я сухо говорил, что мы ищем кой-кого, и шел по вагонам ростовского поезда до восьмого вагона, чтобы очутиться как раз наискосок от девятого вагона нижегородского экспресса. Тут, в тамбуре ростовского поезда, был мой НП.

Но пассажиры самых разных мастей – деловые из мягких вагонов и попроще, из купейных; одиночки и компании; трезвые и не очень – прощались с провожающими, поднима-

лись в вагоны и убывали в Нижний, а Полины все не было.

Ее не было ни в мое первое дежурство, ни во второе, ни в третье.

Рыжий звонил уже дважды, мне нечего было ему сказать, и он начинал злиться и терять терпение. Как всякий новый русский, он считал, что за деньги можно иметь все сразу и на блюде с золотой каемкой.

Между тем я не прохладился. Составив полный список журналов мод, их фотографов и модельных агентств, я обходил их один за другим, всюду показывая фото Полины и надеясь, что рано или поздно (но лучше бы рано!) что-то обязательно всплывет – какая-то зацепка, деталь, имя, ниточка.

Однако ничего не всплывало. Кто-то из фотографов вспоминал, что снимал эту Полину три года назад, кто-то – что еще раньше. Но где она сейчас, не знал никто.

А время шло, и я медленно, но верно опять возвращался в свою депрессию. Блин, если я – Битюг! – не могу найти какую-то девку в Москве! – я, который в камере Нижнетагильской тюрьмы на глазах у четверых воров в законе на спор пырнул сам себя заточкой в живот и стал после этого их «братом», вытащив таким образом из них данные обо всей воровской элите в СССР, я, который разоблачил первые чеченские аферы с авизо и еще двадцать, если не больше, крупнейших афер и схем увода за рубеж денег от криминальной приватизации огромных ломтей промышленности, – то, значит, я действительно вышел в тираж...

По ночам мне уже не помогали даже снотворные таблетки. Я крутился в постели, клял себя, пил на кухне новопасит, сосал вернисон и принимал валокордин, чай с коньяком и снова валокордин, но сна не было. На хрена Рыжему эта гребаная Полина? Почему Кожлаев перед смертью был готов заплатить десять тысяч долларов за встречу с ней? И чем мог Рыжий так напугать Полину, что она даже съехала с квартиры? И почему Кожлаев именно меня нанимал искать эту Полину?

На десятый, кажется, день я, уже ни что не надеясь, а лишь следуя своему принципу копать, пахать и утюжить все и вся, вошел в офис модельного агентства «Ред старс», что в одном из переулков на Покровке. Это было то самое «Ред старс», куда я звонил три недели назад и где мне сказали, что не знают никакой Полины Суховой. Но теперь, когда я побывал в трех подобных агентствах – «Премьер», «Империя» и «Престиж», я уже знал, как в этих агентствах работают и как там отвечают по телефонам: секретарши, то есть несостоявшиеся юные модели (или, наоборот, перезрелые и вышедшие в тираж, как и я, только в возрасте тридцати лет), беспрерывно висят на телефонах, разговаривают одновременно с Киевом, Томском и Салехардом, курят, крутят вертушки с адресами и телефонами своих клиентов, пишут какие-то короткие цидульки манекенщицам-моделям, ожидающим отправки на кастинги и фотосъемки, и при этом крошечным рапилом подпиливают свои ноготочки...

Здесь, в «Ред старс», было практически то же самое. Дюжина длинноногих нимфеток в мини-юбках, с кукольными лицами поднебесных ангелов и с сигаретками в наманikyренных пальчиках слонялись по коридору и двум комнатам офиса. Три секретарши, листая вертушки с регистрационными карточками, разговаривали по телефонам на трех языках с Парижем, Лондоном и Нью-Йорком. Возле их столов в заискивающем ожидании томились две сорокалетние дамы с портфолио своих рослых тринадцатилетних дочек, которые завистливо зырились на модели и фотографии преуспевших красоток в журналах «Look», «Elite» и «Cosmopolitan», развешанных на стенах.

Ожидая хоть минутного просвета в этих беспрестанных телефонных монологах, я обратил внимание на небольшую матовую дверь в еще одну комнату и решил, что там какая-нибудь подсобка, примерная или место, где девочки переодеваются. И вдруг из этой двери вышел худощавый носатый мужчина, и мы оба воззрились друг на друга в изумлении и оторопи.

Это был Абхазец, а точнее, Абхаз, с которым мы не виделись – Господи, с какого же года? с 1979-го? 80-го? Как раз тогда я, безумный идиот-романтик андроповского призыва, сам подсел в тюрьму, в камеру к ворам в законе. Сейчас уже и не вспомнить, как мне тогда пришла в голову идея выдать себя за московского блатаря, но именно этот Абхаз не верил мне до последнего момента, и только тогда, когда я, якобы

в бешенстве и обиде, пырнул сам себя заточкой в живот и меня, окровавленного, утащили в больницу, – только после этого, вернувшись через неделю в камеру, я был принят за своего, и Абхаз назвал меня своим братом.

В то время это весило больше, чем сегодня звание Народного артиста России.

Но с тех пор я не видел Абхаза, не слышал о нем и думал, что его давно убили в разборках, как почти всю бывшую гвардию... А он, оказывается, жив, но, Господи, что с ним сделало время! Неужели и я превратился в свою тень, неужели и от меня остались только глаза?

Впрочем, костюм на Абхазе был получше моего, а на руке – часы «Брегетт» стоимостью под шесть тысяч долларов...

Он перехватил мой взгляд и усмехнулся:

– Брат, пойдем пива выпьем. За встречу. Я угощаю.

И вот мы сидим в какой-то недорогой шашлычной на Петровке, пьем «Жигулевское № 6», и я слушаю его эпопею.

– Я, – сказал мне Абхаз, – еще тогда, как вышел из лагеря, понял, что нужно завязывать, что перестройка все в этой стране сломает, даже нас, и беспредел будет не только в криминальном обществе, но во всем – в политике, экономике, даже в искусстве. Нельзя выпустить из лагерей сразу несколько миллионов человек и думать, что они тут же станут демократами. Страну затопила волна беспредела, мы, старые авторитеты, не смогли ее обуздать, а вы нам не помогли, вы, наоборот, мечтали, что мы, как в крысятнике,

друг друга перегрызем, а вы придете на все чистое и постройте демократию... Не надо, молчи, – отмахнулся он от моего вялого протеста. – Теперь это уже история, теперь и вы под криминалом ходите, разве я не знаю? Но ты, брат, по дури остался в своей структуре, а я – нет, я из своей еще тогда вышел. В конце концов, кем я был при советской власти? Я не был «политиком», конечно, но я отказывался жить по совковым законам и помогал всем, кто на эти законы плевал. Цеховики, подпольные артельщики – все шли ко мне за советом и защитой от коммунистической власти. А когда эта власть и ее законы рухнули, я стал смотреть по сторонам – чем же заняться *легально*? И тут как раз Леня Усатый, эмигрант из Бруклина, прилетел в Москву и привез какого-то американца, хозяина американского модельного агентства. И они на Патриарших прудах, в особняке, сделали кастинг. А я Леню еще по старым делам знал, и он пригласил меня туда, говорит: приходи, у нас будет кастинг. Я в то время не знал, что такое кастинг, я думал, что это еврейская фамилия, что он меня с каким-то важным Кастингом познакомит. А оказывается, они делали просмотр девушек, там этих девушек была огромная толпа, они стояли весь день – очередь, снег... Помню, я шел мимо них – меня, как почетного гостя, вели через черный ход, – и поскольку я не похож на русского, то все девушки говорили: «Вот он! Вот он!» То есть они меня приняли за американца, и все их взоры были устремлены на меня. А тогда, если помнишь, уехать за гра-

ницу было у девушек просто манией. Кто был тот американец, которого Леня привез, рядом с каким модельным агентством он прошелся, – не важно. Ведь на Западе тоже большинство модельных агентств, мягко говоря, неприличные... бордели. Но наши этого ничего не знали, им лишь бы за бугор свалить, а с кем и куда – без разницы. Хотя на самом деле я не хочу сказать, что Леня Усатый и его партнер думали о чем-то плохом, нет. Просто этот кастинг и все, что они тогда делали, это были дилетантские попытки войти в модельный бизнес, не более того. Тогда у многих были такие идеи. Один мой приятель сказал мне: «Знаешь, давай мы с тобой сделаем такую вещь...» Приятель был еврей, хитрый на всякие выдумки. Он говорит: «Мы дадим в газеты объявление, что мы такое-то агентство, назовем себя как-то и дадим вместо своего адреса только почтовый ящик, чтобы наш офис не снесли эти девушки. Напишем, чтобы они прислали нам 25 рублей...» А в то время 25 рублей были похожи на 25 рублей, настоящие были деньги. «И они, – он говорит, – будут посылать нам 25 рублей и свои фотографии – портрет и в купальнике. А мы обязуемся честно показывать эту карточку модельным агентствам, которые будут приезжать в Россию. То есть мы на самом деле их обманывать не будем...» Я говорю: «И что из этого получится?» Он говорит: «А ты посчитай. В СССР 250 миллионов людей, из них 150 миллионов – женщины. Из 150 миллионов 50 миллионов мечтают вырваться из этой жизни. Из 50 миллионов 20 миллионов

пришлют нам по 25 рублей. 20 на 25, это сколько миллионов рублей получается? Ну и ты, говорит, со своей кавказской неумностью, трахнешь, может быть, тысяч триста...»

Мне, – продолжал Абхаз, – это показалось заманчивым. Но потом я встретил Таню Кольцову – случайно, в ресторане. Агентство у нее в то время уже было, оно уже называлось «Ред старс». Это название ей подарил Джон Касабланкас, самый великий агент в истории модельного бизнеса. Будучи уже много лет владельцем лучшего агентства в мире – оно называется «Элит», – он первым кинулся тогда в Россию. И среди прочих людей, которые показывали ему русских девушек, Таня тоже показала ему свой контингент. И он отметил, что Таня – единственный профессиональный человек, потому что девушки, которых она привела, соответствовали стандартам западного модельного бизнеса. Ведь она и сама была тогда манекенщицей где-то в Легпроме, бегала по разным показам по четыре-пять раз в день и понимала, что к чему. И вот иностранцы, фирма «Боруччи», кажется, ей сказали: Таня, тебе уже не по возрасту быть моделью, открой свое агентство. И она первая открыла в России официальное модельное агентство, пошла его регистрировать, но не знала, как назвать. А в это время как раз приехал Касабланкас, он подарил ей название и отметил, что эта женщина обладает профессиональным взглядом, по-английски это называется «ту хэв эн ай». И Таня стала показывать своих девушек всяким иностранным модельным агентствам, которые налетели

сюда, как пчелы на мед. За первые же показы иностранцы заплатили ей двадцать тысяч долларов – столько, сколько они раньше платили нашему государству. Оказывается, они платили советскому государству огромные деньги, а государство платило моделям за каждый показ по 3 или 5 рублей, почему Кольцова и бегала на пять показов в день.

Но все это было за полгода до нашего с ней знакомства. А тут мой приятель меня пригласил, говорит: поедem в ресторан, я там с женщиной буду. Я приехал. Сидит Кольцова, такая важная, говорит, что бизнесом занимается. Я говорю: «Да? А каким бизнесом?» Она говорит: «Модельным». Я стал спрашивать, что к чему, она говорит: «Да вот, я заработала деньги, но никак их поделить не можем...» – «Как – не можете?» – «А партнеры забрали все себе». Я говорю: «Зачем вам такие партнеры? Приходите ко мне». – «А у вас что, фирма?» Я говорю: «Да, у меня фирма, совместное предприятие, приходите хоть завтра». «Хорошо, – говорит, – я завтра приду». На следующий день действительно пришла, и мне понравилось, что она такая решительная, я познакомил ее со своим тогдашним партнером. Мы ей дали комнатку, она стала работать. Но оказалась очень настырной – все время на меня наезжала, требовала то машину, то деньги, то еще что-то... Я считал: ну, дали тебе комнату и сиди, работай, а она – нет, «почему вы мне не помогаете?».

– А на каких условиях ты ее взял? – осторожно спросил я Абхаза.

– Я взял ее на условиях, что 70 процентов от дохода принадлежат мне, 30 – ей.

– А в ответ что ты дал?

– Крышу, больше ничего. Но получилось так, что этот бизнес никаких денег не приносил и я был вынужден все время деньги только вкладывать, покрывать все ее расходы. Потому что иностранцы быстро опомнились и перестали так платить, как раньше. Мой партнер посмотрел на это и тут же отказался от партнерства по этому бизнесу, сказал, что денег он здесь не видит. На что я сказал: «Хорошо, отдай мне „Ред старс“, пусть это будет мое». И «Ред старс» стало мое, я прикинул, что даже если этот бизнес денег приносить не будет, я это переживу. Я по тем временам казался сам себе очень богатым. То есть когда у людей была зарплата 200 рублей, я зарабатывал 100 тысяч в месяц. Это было фантастично для того времени, и я по глупости думал, что я богатый, а Кольцовой сказал: «Таня, поскольку твой бизнес никаких доходов не дает, давай я буду 30 процентов отдавать тебе просто от любого заработка. То есть вот заработали мы сто рублей, 30 – твои, невзирая на расходы». Я жалел женщину и считал, что так правильно.

Помню, первый раз, когда Кольцова мне сказала, что мы поедем на кастинг, я ее подколот: кто этот Кастинг, твой знакомый еврей? Она говорит: «Дурак, кастинг – ты увидишь, что это такое». И повезла меня в гостиницу, где жил пресловутый Саша Бодулин, фотограф, который только что при-

летел из Штатов, где он натащился профессионально снимать этих моделей. И там, у этого Бодулина, я впервые увидел нескольких девушек, которые мне очень понравились.

Или помню еще один момент. Мы пошли на очередную тусовку, а там ходили какие-то люди с красивыми девушками. И среди них мужчина лет пятидесяти, а с ним девочка лет шестнадцати, такая красивая – она меня просто поразила. Я говорю: «Таня, смотри, какая красавица!» Кольцова мне говорит: «Да? Сейчас подойдем». Я говорю: «Но она с папой». Таня: «Каким папой?! Ты что!» – «А кто это?» – «А ты не понимаешь?» Я говорю: «Да? Ну, тогда я не хочу разговаривать с такой проституткой малолетней и с этим развратником, мне нечего и подходить!» Она говорит: «Хочешь работать – будешь терпеть».

Мне, конечно, было любопытно, и какое бы отвращение я ни испытывал, а все-таки подошел. Кольцова говорит этому мужику: «Так, это ваша девочка?» Мужчина отвечает: «Да, это моя дочь». И в этот момент подходит еще один парень, похожий на казаха, и заявляет: «Это моя модель». Кольцова спрашивает: «Почему твоя?» А он: «Потому что я заметил ее раньше вас!»... Такие вот были нелепые ситуации. То есть тогда в России все было еще сыро и непрофессионально.

Потом были конкурсы – всякие «Мисс Москва», «Мисс Советский Союз» и прочие. Кто их проводил, зачем – это уже история, этих людей давно нет. Потому что это бизнес очень сложный, а в него кидаются все, кому хочется иметь

красивых девушек или обманывать богатых людей. Но богатые люди имеют обыкновение преследовать за то, что их обманули, раскрутили на деньги. А девушки имеют обыкновение уходить, не сказав и «спасибо». Ведь тогда всем казалось, что каждая русская девушка, выехав за рубеж, начинает там зарабатывать миллионы. Это как каждая бабушка в семидесятых годах думала, что ее икона стоит обязательно миллион долларов. И она ни в коем случае не хотела продавать эту икону за 50 рублей, хотя цена ей была, может быть, трешка...

И вот на одном из таких конкурсов появился некто Ролан, эмигрант из Риги, но сюда он приехал из Нью-Йорка, как представитель «Элит» и Джона Касабланкаса. Весь увешан камерами, черноволосый, высокого роста, немножко неопрятный. Очень обидчивый, заносчивый, с большими амбициями, совершенно неоправданными. И нищий, конечно. Я потом понял, что фотографии вообще почти все такие. Но тогда мне это еще не бросалось в глаза. Тем более что Ролан привез Кольцовой приветы от самого Касабланкаса! И мы втроем – я, Таня и Ролан – стали ездить по различным показам и конкурсам, я их возил на своей шикарной для того времени машине. Я в то время был пижон, у меня постоянно были хорошие машины, мы ездили по всяким конкурсам и всех девочек-победительниц брали к себе в агентство. Потому что Кольцова давала им работу – съемки для журналов, выставки мод, показы одежды, все это шло через нас, осталь-

ные этим просто не занимались, они стригли деньги на конкурсах, которые финансировали всякие банки и спонсоры – любители юных девушек. А мы... Например, когда первый репортаж о модельном бизнесе в России вышел в крупном швейцарском журнале, на обложке была наша девушка, из «Ред старс». То же самое – известный французский журнал «Сад моды». Там была наша модель. И в Германии. То есть они делали рекламу нашему агентству в Европе и еще платили нам за это.

Но самое главное, конечно, – у нас было агентство «Элит». Я всячески этого Ролана выгуливал, и через какое-то время он сказал: «Все, я договорился с Касабланкасом, Ланкастер хочет, чтобы вы стали филиалом „Элит“».

Кольцова, конечно, от счастья чуть не умерла. И мы подписали контракт, по которому для всех мероприятий на Западе – фотосъемки, показы мод и тому подобное – «Элит» берет русских девушек только у нас и платит нам 50 процентов комиссионных, а мы от прибыли со всех иностранных клиентов, которые проводят свои мероприятия в России, платим 50 процентов в «Элит». Таким образом, мы стали «Элит Ред старс», что, естественно, вывело нас на международный уровень.

А в то время у Кольцовой была хорошая приятельница Людмила Исаева, она находилась в Нью-Йорке, работала в каком-то мелком агентстве. Мы послали Джону Касабланкасу ее фотографии, Джон сказал, что да, он ее принимает. Это

был первый успех нашего агентства – первая русская всемирно известная девушка.

Конечно, деньги я тратил куда большие, чем получал, но это уже другая тема. Главное, мы стали профессиональным модельным агентством, единственным российским агентством, признанным в мире.

И после этого нам позвонил Джон Касабланкас. Он сказал, что свой конкурс «Look of the year» будет проводить в Москве. А это самый престижный конкурс в мире, за двадцать лет этот конкурс дал миру больше звезд, чем все конкурсы в мире за всю историю модельного бизнеса, вместе взятые. Из него вышли Линда Евангелиста, Стефани Сеймур, Татьяна Патис, Синди Кроуфорд и еще многие. Кстати, наша Наташа Семанова тоже победила в этом конкурсе, но это уже отдельная история, – я был на этом конкурсе и сказал в «Элит», что если она не займет первое место, то я просто все разгромлю. И я могу дать тебе телефон Семановой – спроси у нее, есть ли в России человек, которому она обязана своей карьерой. Мне просто интересно, что она скажет... – Абхаз сунул руку в карман пиджака за своей телефонной книжкой, но я отмахнулся, мне не нужно было проверять его, я и так видел, что он не врет. По его высохшей за эти годы фигуре, сутулым плечам, впалым щекам и, самое главное, его горестно-ироничной усмешке и печальным глазам я понял, что меня ждет длинная исповедь еще одного, такого же, как я, романтика и идеалиста, только с другой,

криминальной стороны. Но поскольку я никуда не спешил, то я не перебивал его – людям порой нужно дать возможность высказаться, в зоне можно услышать такие исповеди – на сто романов хватит.

Сняв с шампура крошечный, как орех, кусочек шашлыка, Абхаз отправил его в рот и, запив пивом, продолжал:

– Короче, мы для Касабланкаса должны были организовать «Look of the year» в России. Но как его делать? Мы решили провести этот конкурс не так, как другие. Другие залы снимают, шоу устраивают, а мы... Мы, конечно, должны были как-то отличиться. Тем более Касабланкас, когда приехал, он меня просто поразил. Это был 1990 год, ему тогда было лет 48 – необычайно красивый, очень энергичный, высоко эрудирован, свободно говорит на шести языках.

Но самое главное в Касабланкасе – какая-то буквально неистощимая энергия. То есть он прилетел вечером, не выспался, конечно, в дороге, а мы потащили его на ужин в ресторан, взяли с собой и Гарри Харта, кандидата в американские президенты, который тогда в Москву приезжал, а потом все вместе поехали куда-то за город, в дискотеку. В то время за городом были ночные дискотеки, мы там развлекались, и к Джону привязалась одна женщина, Елена, забыл ее фамилию, потом она стала женой одного знаменитого пирамидщика. А тогда эта Елена просто схватила Касабланкаса за руку и не отпускала, хотела с ним спать. Но Джону она не нравилась, он мне говорит: «Я ее не хочу». И я повез его

домой – где-то в четыре ночи. А утром, в десять, я уже за ним заехал, и мы в Доме моды Славы Зайцева сделали просмотр девушек. Джон просмотрел примерно четыреста девушек, причем с каждой беседовал, и был просто убит, мертвый, говорит: «Все, я поехал спать». Я говорю: «Но у нас вечером ресторан заказан». – «Нет, я никак не могу». Я говорю: «Ты что! Ты нас оскорбишь, ты должен!» Он приехал в ресторан – невыспавшийся, никакой. И вдруг под конец вечера просит: «Знаешь что, мой друг? Давай поедem к проституткам!» То есть у него был новый прилив энергии. И мы поехали в «Солярис» в гостинице «Космос» – тогда это было самое модное и крутое место. Правда, проститутки ему там отказали. Они почему-то решили, что он русский, а притворяется американцем. Он им всячески доказывал, говорил: «Что вы хотите? Денег? Я вам дам денег». Он вообще щедрый мужик, имеет дело с самыми красивыми женщинами в мире и, конечно, почти со всеми своими звездами спал. А наши проститутки послали его подальше. Такая была смешная история...

Потом настало время проводить «Look of the year». А нам, как я уже сказал, нужно было перед ним отличиться и вообще выпендриться. И мы сняли большой корабль, который поплыл по Москве-реке на весь день. На этом, корабле был зал, и в нем прошел конкурс – мы там были одни, без публики. Но люди в то время еще не понимали, что «Look of the year» – это не какая-то «Мисс СССР», что победительни-

да этого конкурса больше и круче, чем сама «Мисс Мира». Когда я говорил так журналистам, они считали меня сумасшедшим. Они писали о тех, кто отправил свою девушку на «Мисс Европы» или «Мисс Мира», хотя ни одна «Мисс Мира» за всю историю еще не стала известной моделью. Только замуж могла выйти. А у любой девушки, побеждающей на «Look of the year», карьера уже обеспечена.

Короче, мы провели конкурс, и его выиграли две девушки, Джон, как партнер, должен был платить половину расходов по проведению конкурса. Но когда он меня спросил, какие были расходы, я сказал: «Джон, это несущественно!» Действительно, мне конкурс обошелся порядка трех тысяч долларов, для меня в то время это были копейки.

Но тут у нас начинаются сложности с Роланом. То есть после успеха конкурса я приглашаю всех к себе в Абхазию – лучших девочек, Кольцову, Ролана, человек десять. Просто в гости. У меня там дом и сад на берегу моря, в горах. У моего двоюродного брата там тоже дача. То есть огромная была территория, супершикарное место: две реки сливаются, и остров посреди этих рек. Попасть туда можно только по канатке. И все это было наше. А потом грузины там все сожгли, ничего теперь не осталось, но тогда... Короче, мы туда приехали, я этого Ролана и Марину, которую он с собой привез, выгуливаю, как самых дорогих гостей.

И вдруг Ролан мне говорит: «Знаешь, я хочу с тобой поговорить. Понимаешь, я в Москве общался кой с какими

людьми, они мне сделали предложение». Я говорю: «Какое? Ты что, из „Элит“ уходишь?» Он говорит: «Нет, наоборот. Они хотят сами провести конкурс „Элит“, открыть в Москве школу моделей „Элит“, и за это они заплатят нам десять тысяч долларов». Я говорю: «Да? Интересно. А деньги куда пойдут?» Он говорит: «Основная часть мне, потому что я этим занимаюсь. Но я тебе, как друг, предлагаю: если ты заплатишь такую же сумму, а они ее не поднимут, то все останется по-прежнему, все конкурсы „Элит“ будешь проводить ты».

Вот такой заход. Но – он же у меня в гостях, я говорю: «Знаешь, сейчас что об этом говорить? Отдыхай. Мы приехали отдыхать...»

Ладно, приехали в Москву. Ролан спрашивает: «Ну? Когда мы поговорим?» Кольцова, убитая, смотрит на меня. Конечно, я тогда мог легко заплатить эти десять тысяч, для меня вопрос был не в этом. А в том, что это уже начинался бизнес по-русски. Знаешь, во всем мире агентства получают комиссионные за своих девушек-моделей, а у нас многие агентства, наоборот, говорят: возьмите наши модели, мы вам заплатим. И губят весь рынок. Вот и здесь было так же: какие-то люди хотят увести от меня партнера, перекупают его, а он меня начинает этим шантажировать. Хотя Джон, уезжая, говорил мне: «Теперь вся Россия для меня – это ты, я за многие годы не встречал такой личности!» Потом я, конечно, понял, что это он рассказывает и каждой девке, но тогда я

его комплименты принял за чистую монету. И для меня такой с Роланом поворот событий был шокирующим. Я говорю Ролану: «Ты здесь кто? Ты наш партнер?» Он говорит: «Да, я ваш партнер. Но если вы не примете мои условия, то теряете „Элит“». «Тогда, – я говорю, – выслушай меня. Как говорил товарищ Сталин, „мы тут посоветовались, и я тебе скажу от лица всех“. Никакого конкурса ни с кем вы здесь проводить не будете, и денег вам никто не заплатит. Если в России будет проходить конкурс „Элит“, он будет проходить только с нами или с теми людьми, с которыми я разрешу его проводить. Это раз. А второе: не мы потеряем „Элит“, а ты потеряешься».

И тут началось! Джон присылает мне факс, притворяясь, что он ничего не знает. И пишет: «Дорогой друг! Я предлагаю тебе заплатить 10 тысяч долларов за право проведения конкурса. У меня есть другие предложения, но я хотел бы, чтобы этот конкурс был твой». Понятно, да? Ладно, я пишу ответ: «Дорогой Джон! Я бесконечно рад твоему предложению и особенно тому, что именно ты мне это предлагаешь. Правда, до сих пор я считал, что мы уже партнеры и мне незачем платить деньги, ведь я и так плачу тебе 50 % от всех доходов с иностранных клиентов. А кроме этого, я боюсь, что мои родственники в Абхазии (а тогда 10 тысяч долларов – это была сумма невероятная!) могут меня убить, если узнают, что я за конкурс красавиц заплатил сумму, на которую я мог бы кормить родной город в течение года». И отправил

ему такой факс.

Через какое-то время он присылает мне обиженный ответ: мол, тогда я буду искать себе другого партнера. Тут я ему отправляю факс уже более подробный. Я пишу: «Дорогой Джон! Я с огромным удовольствием вспоминаю о том, как в мою достаточно скучную и серую жизнь ворвался, как буря, такой человек, как ты. Эти дни, которые мы провели вместе, я буду вспоминать всю жизнь. Если ты мне разрешишь, я всю жизнь буду гордиться дружбой с тобой и говорить, что мы с тобой знакомы. Но при этом я считаю, что имя „Элит“ слишком большое и прославленное, чтобы его носила такая мелкая и слабая, хотя и лучшая в России, компания, как наша. Поэтому я вынужден от нашего партнерства отказаться. Что касается конкурса, то ты можешь проводить его как угодно, и с кем угодно, и где угодно. Правда, если у тебя это получится, я буду очень удивлен».

То есть ответ мой был, конечно, издевательский, но они такие зашибленные, эти люди на Западе, они его просто не поняли. Они его прочли, проглотили, и Джон присылает мне радостный факс: «Дорогой друг! Я нашел новых партнеров, это очень серьезная, крупная и богатая компания, они уже с радостью заплатили мне за лицензию и будут проводить конкурс. Но ты, как мой друг, будешь, разумеется, всюду приглашен...»

После этого я, конечно, узнаю, что это за компания, встречаюсь с ними и говорю: «Значит, так, ребята, я бизнесом

сам лично никогда в жизни не занимался. Все, что я имею, я имею потому, что, когда у нас в стране началось повальное рэкети́рство, люди ко мне стояли в очереди и говорили: „Защити нас. Скажи, что ты с нами“. Большинству я отказывал, а некоторых взял под свою защиту и поэтому сейчас имею кое-какие возможности. Но если я вдруг покажу, что могу потерять хоть немного своей территории, то для меня это будет губельно. И очень плохо для моих друзей, которых я защищаю, – их тоже начнут обижать. Я этого допустить не могу и поэтому хочу вам сказать: ребята, не надо этого делать, у вас это не получится никогда». Они, конечно, рассмеялись мне в лицо: «Мы не понимаем – почему?» Я говорю: «Потому что Касабланкас был моим партнером, вы знали об этом, но вы не пришли ко мне и со мной не посоветовались. А вы были обязаны прийти ко мне, потому что это моя овца и я что захочу, то с ней и буду делать. Если хотите, можете это оспорить. Хотя я вам не советую».

«Ты понимаешь, – говорит один из них, – десять штук, которые мы в это вложили, для нас мизер!..» Я смотрю на него, а он такой типичный новый русский. Это, кстати, очень четко названо, потому что новых богатых у нас нет до сих пор. У нас есть бывшие нищие тире новые русские. А что такое настоящее богатство, они даже понятия не имеют, они думают, что они богатые. Я спросил этого выскочку: «А почему ты хочешь проводить конкурс?» Он говорит: «Во-первых, „Элит“ – это принадлежность к самой высшей лиге, я

буду всюду входить, ногой открывать любую дверь. А во-вторых, у меня есть иностранные партнеры, они ко мне приезжают, чего я буду искать им девочек за 200 долларов? У меня будут свои...»

Ну, я, как ты понимаешь, не мог этого допустить. А он продолжает: «Что такое 10 тысяч долларов? Копейки! И за эти копейки я получу все, что хочу!» Я говорю: «Если ты будешь продолжать рассказывать мне о том, какой ты богатый, ты вызовешь у меня желание быстро сделать тебя нищим. И поверь мне, я это сделаю с удовольствием».

Через два дня меня ищут знакомые чеченцы. Я встретился с ними и сказал: «Зачем вам мешать мне? Вы вклиниваетесь туда, где я уже иду. Зачем вам?» После этого те новые русские отправили Касабланкасу факс о том, что они хотят получить свои деньги обратно. Тут Касабланкас мне звонит и начинает меня уговаривать. Я говорю: «Я не понимаю, Джон, что ты хочешь? Я тебе что, говорю – не проводи конкурс? Я тебе говорю: попробуй проведи». Он говорит: «Я просто не понял твой факс. А теперь я его еще раз прочитал и оценил твой юмор. Россия – это особая страна. Я и Ролану сказал, чтобы он зашел к тебе, оказал уважение...» Я говорю: «Джон, ты кто – турок или араб?» Он говорит: «Нет, я американец». Я говорю: «Тогда слушай. Мы с тобой уже разошлись, а теперь ты хочешь, чтобы я шел к этим выскочкам, к этим нуворишам и разрешал им что-то делать? Я не пойду, у меня с ними свои счета. Ты можешь искать тут кого хочешь

и делать что хочешь, разве я могу тебе запретить? Я вообще никогда столько времени ни на кого не тратил, просто ты мне тогда так понравился! Поэтому я с тобой сейчас разговариваю...» На это он психанул: «Ах так?! Я жил без России всю жизнь, построил без нее лучшее агентство в мире и дальше буду без вас обходиться!» Я говорю: «Замечательно, живи без России. Но ты помнишь условия нашей совместной работы? Они теперь аннулируются?» Он говорит: «Да, аннулируются!» Я говорю: «Тогда мы должны оговорить условия развода». Он смеется: «И какие же условия развода?» Я говорю: «Очень простые. Если ты или любой из твоих двадцати четырех филиалов возьмете хоть одну русскую девочку, вы будете платить мне комиссионные». Он говорит: «Как? За любую русскую?» Я говорю: «За ту, которая родилась и выросла в России. Даже если кто-то из твоих агентов найдет ее на пляже в Майами, он должен знать, что комиссионные будут идти мне». Джон отвечает: «Знаешь что? Мне надоела вся эта дребедень! Давай закончим разговор». Я говорю: «Я тебе сказал условия, на которых мы разошлись». И положил трубку. Первым!

Кольцова, конечно, обезумела. Я ей говорю: «Слушай, Таня, ты понимаешь, что у нас нет иного выхода? Если мы будем играть по их правилам, то этот иностранный красавец нас трахнет точно так же, как он перетрахал все свои модели. Он каждой рассказывает, что она единственная, что он ее запомнит на всю жизнь. Потом трахает, дарит ей подарочки,

чтобы она особенно не обижалась, и на этом все заканчивается. Но мы не можем работать в таких условиях. Мы вошли в этот бизнес, мы подошли к этому столу, и надо ставить или на красное, или на черное. Уйти нельзя, такие правила игры. И вот я ставлю...»

Она молчит, она просто шокирована.

И что ты думаешь? Через неделю приходит факс от Джона: «Мой дорогой друг! Я принимаю все условия, которые ты мне назвал. Я согласен платить тебе за всех русских девушек, даже если их найдут на пляже в Майами. И обещаю тебе, что я никогда больше не ступлю ногой на русскую территорию, не отправлю в Россию ни одного агента». Вот такой факс. А в завершение он пишет постскрипtum: «Когда мы ужинали с Гарри Хартом, ты мне сказал, что в молодости занимался боксом и все бои до единого выигрывал только нокаутом. На этот раз ты опять выиграл нокаутом, поздравляю. Надеюсь, что пройдет какое-то время, мы с тобой встретимся и опять будем друзьями. А может быть, даже договоримся о том, как работать вместе».

– И с тех пор ты снова в «Элит»?

– Нет, я отказался, я сказал: больше никогда не буду в «Элит». И объяснил Кольцовой: «Смотри, что произошло. Мы выстояли! Мы добились равенства с „Элит“. И брать теперь имя „Элит“ нам невыгодно. Если завтра Джон пошатнется, то и мы пошатнемся вместе с ним, автоматически. А так мы в этой стране единственные, кто в этом бизнесе уже

все понимает. Это самая большая в мире страна с белым населением, а ведь в мире большинство моделей белые, процент всяких азиатов и цветных среди моделей ничтожен. И мы будем занимать здесь такое положение, которое никогда ни одно агентство в мире не будет занимать в своей стране». И после этого везде, когда меня представляют «Это Россия, это „Элит-Москва“», я говорю: «Нет, я „Ред старс“, но с „Элит“ могу договориться. Конечно, сумма будет большая, но...» То есть я так шучу...

– А какие у тебя другие бизнесы? – поинтересовался я, думая, что исповедь закончилась.

– Другие... – Абхаз посмотрел в окно. По Петровке со скрипом катила мусороуборочная машина, ее щетки, вращаясь, скребли мостовую, но больше размазывали грязь, чем собирали ее. – Другие... – повторил он. – На самом деле других у меня сейчас нет. Я разошелся со своим партнером, с которым работал десять лет. Мой партнер – киевский еврей, он в Москве уже много лет, но родом из Киева. И десять лет мы с ним были как братья. Я и на идиш говорю, и на иврите говорю, я даже себя уже евреем больше считал, чем абхазцем. Но вдруг в нем стали проявляться какие-то черты, которые мне не понравились, я пришел к нему и сказал: «Я ухожу. Не из-за денег, а потому, что я не могу работать с человеком, которому я больше не доверяю». А он говорит: «Все, наша корпорация лопнула, ФБР закрыло нашу компанию, обвинив, что наши акции раздувались». И я в один день

стал нищим. Все, что я за десять лет заработал, рискуя своим именем и жизнью, – все потерял, в один день. Кроме, конечно, «Ред старс»... – Абхаз усмехнулся. – Да, «Ред старс» – это, наверное, мой болезненный бзик. У меня нет детей, я ни разу не был женат и просто люблю маленьких девочек – люблю что-то хорошее для них делать, оказывать им внимание, заботиться о них. Они такие чистенькие, аккуратненькие, смотрят в глаза, слушаются... Правда, потом, когда им исполняется 15–16 лет, они неузнаваемо меняются... Помнишь, я тебе говорил про Наташу – шестнадцатилетнюю девочку, которая была на одном показе с пятидесятилетним мужиком? Она мне тогда очень понравилась, но ей было 16, и я ничего даже и не думал. Я вообще не смог бы никогда лечь с пятнадцатилетней девочкой, даже если бы она влюбилась в меня. Потому что я для нее бог, она верит в меня, ей кажется, что я божество...

Но прошло какое-то время, этой Наташе стало 19, и я стал за ней ухаживать, мы стали встречаться. Она была умная и красивая, блондинка с голубыми глазами, стройная и сильная, говорила по-французски и по-английски. И я с ней поехал в Италию – там, где бы мы ни появились, все итальянцы останавливали машины и говорили: «Ой, какая красивая!» И я видел, как она ко мне относится, как она меня любит. Это проявлялось всегда, она за меня всюду вступалась, даже защищала меня. Например, мы поехали на дачу, а там Гарик Муссон дрова рубил и говорит мне: «Вот я дрова рубил, а

ты?» А она говорит: «А он подносил! Он подносил!» А когда я шутил, то видел краем глаза, как она смеялась. Искренне, от души. Знаешь, всегда есть какие-то интимные моменты, при которых нельзя обмануть. Например, ночью, когда я вставал или ложился обратно, она, спящая, улыбалась и тянулась ко мне. То есть у нас были очень красивые отношения...

Но у меня есть одна приятельница еврейка, Лиля, жена моего родственника. И она вдруг говорит своему мужу: «Знаешь, мне так жалко твоего Абхаза!» Он говорит: «Почему?» А Лиля отвечает: «Потому что эта девушка, я на нее смотрела, она же от него глаз не отрывает!» Он говорит: «Ну? И что в этом плохого?» Лиля сказала: «Она его так любит, что такого не может быть». Конечно, мой родственник мне это рассказал, мы с ним посмеялись, потом я встретил Лилю и говорю: «Лиля, почему ты меня жалеешь?» Она говорит: «Знаешь, чудес не бывает. Тебе 39 лет, а ей 19. Не может девятнадцатилетняя девочка тебя так любить».

А тут как раз Наташе пришло приглашение на месяц в Японию. Она говорит: «Нет, я не поеду». Я говорю: «Это еще почему?» Она: «Я не смогу без тебя». «Что значит не смогу? – я ей говорю. – Ты же приедешь через месяц». А она: «Месяц – это очень много, я не смогу жить без тебя целый месяц!» Я говорю: «Знаешь, давай поступать так, чтобы еще больше друг друга любить. То есть будем ненадолго расставаться, ничего страшного в этом нет». Но она, уезжая, опять

говорит: «Я не знаю, как я буду без тебя». И уехала.

А в это время началась война в Абхазии, я улетел на Кавказ, пошел воевать, перешел через перевалы – в июле, снег по колено. Воевал, потом там было временное перемирие, я на Северном Кавказе покупал оружие, переправлял нашим. Потом встречался с Дудаевым... Короче, там была масса всякого. Ельцин принудил Ардзинбу подписать бумагу о временном прекращении огня, Ардзинба мне говорит: «У нас тут затишье, езжай в Москву, ты там больше нужен». И меня на военном самолете отправили в Москву. Я приехал, и Наташа уже из Японии вернулась – прошло уже больше месяца. Я ей позвонил, было восемь вечера, она была дома. И она говорит: «Ой, я так рада тебя слышать! Там же у вас такое творится! Знаешь, мне пришло приглашение в Париж, в Сорбонну». И продолжает все в таком же духе. Я ее слушаю и не слышу... «Дорогой мой, где ты? Я сейчас приеду!» Но я молчу, потом говорю: «Когда мы увидимся?» А она: «Ой, ты знаешь, я на завтра договорилась с подругой пойти в „Эрмитаж“. Позвони мне послезавтра». То есть ей пришло приглашение в Париж, и она посчитала, что я ей уже не нужен. Просто вычеркнула меня, и все... Да... После этого я подумал, что никогда в жизни не смогу определить, кто же из них меня действительно любит, и стараюсь не приближаться к этим нимфеткам. Пусть мы выведем на мировую орбиту еще десять Семановых, пусть ко мне придут еще сто пятнадцати Понтюшенковых, потому что мы действитель-

но единственное профессиональное модельное агентство в России, – для меня, как для мужчины, эти нимфетки в их женской сути ничего не значат. Ты согласен со мной? Ты вообще зачем в «Ред старс»-то пришел? По мою душу? Так у меня в «Ред старс» все чисто...

Абхаз замолчал, а я еще раз подумал, как мы с ним похожи – оба нищие, одинокие, старые и вышедшие в тираж, и оба держимся за свой последний шанс: он за «Ред старс», а я за поиски Полины Суховой. Если бы я был профессиональным писателем, как мечталось мне с детства, я бы написал о нем роман – бывший легендарный авторитет уходит из криминала, держит модельное агентство, влюбляется в своих пятнадцатилетних нимфеток, заботится о них, выводит их в космос модельного бизнеса, а они уходят от него, не сказав и спасибо...

Достав из кармана фото Полины Суховой, я положил его на стол перед Абхазом:

– Я ищу эту девушку.

Он взял фото, поднес к глазам так, как делают это близорукие, и сказал:

– Полина Суховой.

– Ты ее знаешь?

– Еще бы! Она из Нижнего Новгорода, ушла от меня года три назад. Нет, больше – три с половиной. А вчера появилась, ты просто везунчик. Зачем она тебе?

Я встрепенулся:

– У тебя есть ее адрес? Телефон?

– Ты не расслышал? Я спросил: зачем она тебе?

– Не для модельного бизнеса, – успокоил я его. – Но мне нужно ее найти.

– Она и не годится уже для модельного бизнеса, – усмехнулся Абхаз. – Она просила у меня работу, но я ей так и сказал, открыто: «Полина, модельный бизнес уже не для тебя. Поезд ушел!»

– И она не оставила тебе свой телефон? Адрес?

Наверное, в моем голосе прорвалось такое отчаяние, что Абхаз, допив остатки пива в кружке, поставил ее на стол и сказал:

– Знаешь, тогда, в камере, когда ты пырнул себя заточкой в живот, я все равно не поверил, что ты наш. Но ты это сделал, это было красиво, и я тебя зауважал, даже назвал своим братом. Скажи мне, зачем тебе эта Полина, и я тебе снова помогу.

Но я не мог рассказывать ему всю историю – про Кожлаева, про Рыжего... Я сказал:

– Знаешь, брат, вот у тебя есть «Ред старс», это твой последний шанс. А мой последний шанс – эта Полина. Больше я тебе ничего сказать не могу, такая у меня профессия. Хочешь – помоги мне ее найти, а не хочешь – я пошел. И я могу сам заплатить за свой шашлык и за пиво...

– Обижаешь? – усмехнулся он. – Абхазца обижаешь? Своего брата?

Я напрягся, я знал, что за этим может последовать. Легенда говорила, что в бешенстве молодой Абхаз мог действительно сразить любого тяжеловеса – и на ринге, и в зоне. Но Абхаз сказал миролюбиво:

– Ладно. Ты увидишь ее. Вечером приходи в «Вишневый сад».

Чем лечится русский мужик в беде, нищете или отверженности от шведского стола нашей демократии? Он лечится простым и универсальным средством – стаканом.

А чем лечится русская женщина в отверженности от этого же стола? Макулатурой. Ой, оговорился – книгой. Книгой, которая, как водка, может выключить из реальности и перебросить в другой мир и другую жизнь. Причем чем проще напиток и чем меньше сил нужно затратить на его усвоение, тем лучше. Именно это определяет небывалый рост потребления пива и женской детективной литературы в последние годы. Ушлые издатели давно ухватили эту тонкость, сколотили артели литературных негров, дали им звучные наименования вроде «Олимп» и приспособили под макулатурование, которое эти олимпийцы гонят с производительностью пивоваров «Amstel».

Впрочем, одной нашей нищетой массовый запой дешевыми детективами не объяснишь, поскольку при любом уровне достатка люди, помимо всего, любят просто влезать в чужую жизнь, подглядывать за ней в замочную скважину, в окно,

в дырку в заборе. Точно такая же *obsession*, одержимость и искушение выznать подробности чужой жизни, есть в нашей профессии. И пусть наши Агаты Кристи в милицейских юбках и Сименоны в армейских погонах подсовывают своим героям романтические идеалы служения отечеству и борьбы со злом – все это мура и демагогия; на самом деле эти олимпийцы просто наживаются на стремлении нищих забыть о своей нищете и на тяге обывателя заглянуть в чужую жизнь.

Чем больше в обществе нищеты, тем больше в литературе и на экране замочных скважин, через которые бедным показывают картинки из жизни удачливых и богатых, и утешают их тем, что богатые тоже плачут, – не зря самое большое количество сериалов делает нищая Мексика. И это прекрасно понимают наши производители сериалов, которые, впрочем, идут дальше мексиканских – теперь у нас, совсем как в советские времена, экраны всех государственных, полугосударственных и окологосударственных каналов демонстрируют не столько зрителям, сколько Кремлю, какая огромная борьба с преступностью разворачивается под мудрым руководством партии власти. Под этим предлогом за государственные деньги уже сделано больше фильмов о бандитах, чем за все семьдесят лет советской власти было сделано фильмов о коммунистах...

А на самом деле в моей профессии служение долгу, обществу, государству – это или третично, или вообще не существует. Зато...

Как клево, как сладостно, как почти сексуально это удовольствие постепенно вникать в чужую жизнь! Медленно и смутно, как недопроявленное фото в кювете фотолаборатории, стало теперь вырисовываться в моей голове хоть какое-то подобие разгадки истории, которую я разматываю. Четыре или пять лет назад Полина – шестнадцатилетняя «Вице-мисс Нижний Новгород», красивая и сияющая искушениями проснувшейся плоти, как шестнадцатилетняя Маргарита Терехова в фильме «Здравствуй, это я!», приехала завоевывать Москву и стала моделью в «Ред старс». На тех фото, что я видел в ее квартире на Патриарших и у ее родителей в Нижнем, она просто неотразима. Такой шестнадцатилетней дивой была, наверное, и Ева в раю, когда соблазнила Адама. И такой же сфотографировал ее Кожлаев в своей спальне. А затем, «года четыре назад», как сказала ее соседка в Нижнем, она родила мертвого ребенка. Таким образом, нетрудно предположить, чей это был ребенок. И если это действительно был ребенок Кожлаева, то понятно, почему Полина не хотела ехать к нему в больницу, сказала: «Пусть он сдохнет!» Там, в прошлом, была любовная драма или даже трагедия – мертвый ребенок, сломанная карьера модели... А Кожлаев, наверное, хотел перед смертью вымолить у нее прощение – самые заядлые преступники и даже убийцы перед смертью становятся порой сентиментальны.

Но при чем тут Рыжий? Зачем ему-то Полина? Даже если Кожлаев, умирая, завещал Рыжему дать Полине какие-то

деньги, Рыжий не тот человек, который ради такого поручения станет нанимать частного детектива...

Я сидел на Тверской, в бывшем ночном клубе «Немирович-Данченко», недавно переименованном в «Вишневый сад». Не зная, что Абхаз имел в виду под словом «вечер», я пришел сюда в восемь или даже чуть раньше, заплатил 20 долларов, то есть, простите, у.е., за вход, миновал раму металлоискателя и обыск у дюжих охранников, и, пройдя мраморно холодный вестибюль с раздевалкой (за стойкой этой раздевалки торчал эбонитово-черный эфиоп в красной ливрее, я сдал ему свой плащ, и он сказал мне «здравствуйте» и «пожалуйста» почти без акцента), открыл высокую дубовую дверь и вошел в зал.

Но в зале «Сада» было практически пусто и тихо, даже музыки не было, только в глубине, в ресторане, за столиками сидели несколько бизнесменов – новых русских и новых чеченцев. Пришлось и мне занять столик, заказать ужин и выпивку. Теперь, когда я вот-вот должен был увидеть эту чертову Полину, я мог себе позволить даже коньяк. Но я заказал джин и тоник, это как-то больше соответствовало мраморной холодности стен этого зала, его высоким потолкам и зеленым мраморным колоннам. Правда, зная характер наших барменов, я заказал джин отдельно, а тоник отдельно. Зато на ужин – греческий салат, оливки и ягненка под острым соусом: присутствие в ресторане богатых чеченцев подсказывало, что здесь должна быть хорошая кавказская кух-

ня. Иначе они сидели бы в другом месте.

Гадая, сколько мне придется тут сидеть, я принялся растягивать ужин, стараясь не смотреть на чеченцев, они и так засекли меня, едва я вошел, – мои далеко не высокой моды костюм и галстук тут же сказали им, кто я и откуда; мы с ними вообще почти всегда сразу определяем классовую и профессиональную принадлежность друг друга. Они – те, которые сидели тут, в зале, – были молодые, лощеные московские чеченцы, не нюхавшие порошу в Чечне, но делающие, наверное, крутые деньги на чеченской войне и нефти. А я... Не знаю, за кого они приняли меня, но, судя по их настороженным взглядам, они были недалеко от истины. Если не считать, конечно, что эта истина была уже на пенсии и не представляла для них никакой угрозы...

Через час, в девять, в ресторане наметилось какое-то оживление – официанты стали передвигать и сервировать столики, менять дневные скатерти на вечерние, но все это – не спеша, с ленцой, без усердия.

Благо по дороге в «Вишневый сад» я купил свежий номер «Совершенно секретно» и пару других газет и мог теперь спрятать в эти газеты глаза и сделать вид, что зашел сюда всего лишь поужинать и насладиться очередной порцией газетных разоблачений.

Громкое «мебельное дело» – итальянская мебель на миллионы долларов проходит нашу таможню под видом чуть ли не опилок, а потом материализуется

в московских мебельных салонах — совсем как у фокусника Кио или маэстро Воланда...

Весь российский рыболовный флот приватизирован криминалом, во избежание налогов рыбаки прямо в море продают весь улов японцам, а домой везут японский автомобильный утиль — старые «мазды» и «тойоты»...

Бернар Бертосса, швейцарский прокурор, по поводу отмывания 25,6 миллиона долларов: «Бородин признал себя виновным», но Виктор Столповских заплатил за Бородина 335 тысяч франков — «чтобы быстрее закончилось это дело»...

«Газпром» списал 500 миллионов долларов на строительство в Сочи своей гостиницы — за эти деньги можно собрать гостиницу в открытом космосе (куда скорее всего и улетели деньги)...

В девять тридцать — после театров, что ли? — в ресторане появилось несколько пожилых пар, тоже богатых и сытых, а в танцевальном зале, на сцене-подиуме, какой-то парень в джинсовой куртке и кожаных брюках, с серьгой в ухе и косичкой на затылке стал включать и выключать динамики и прожекторы, поправлять освещение и силу звука.

...Самолеты наших региональных частных компаний падают с неба, потому что давно вылетали свой ресурс, но кто их проверяет?..

На минской трассе можайские менты ни одной фуры не пропускают без «налога» в 10 тысяч долларов...

327 миллионов долларов «исчезли» из государственной казны на сделках «Газпрома», Минобороны и Минфина с Украиной...

По данным Минтопэнерго, суточный объем хищений нефти в Чечне составляет 1500–2000 тонн. «В то время как по приказу Путина в Чечне проходит операция „Чеченская нефть“, сорок три „КамаЗа“ с нефтью проследовали в Ингушетию через поселок Горагорск... Так этот нелегальный бизнес связывает военных и боевиков. Часть российской военной верхушки, занятой продажей нефти, заинтересована в продолжении войны. Если до войны на территории Чечни было около тысячи подпольных мини-заводов по нефтеперегонке, то сейчас их 4–5 тысяч...»

Самое примечательное в этих регулярных публикациях о повсеместном разворовывании страны то, что власти давно научились не обращать на них никакого внимания, словно и вовсе не читают газет. Во всяком случае – до того момента, пока в этих газетах не написано о них самих, персонально...

В десять у стойки бара все-таки накопилось человек пятнадцать посетителей – тридцатилетние парни из породы вечных «шестерок», неплохо одетых, но суетливых и разыгрывающих из себя московских плейбоев, и молодые проститутки – все с сигаретами, конечно, и с дринками – мартини

или шампанское. Полины среди них не было. Парочка этих проституток как бы невзначай продефилировали мимо моего столика, но я сидел с индифферентным лицом, и они отчалили.

В десять пятнадцать гроыхнула музыка, на сцене возникла какая-то полуголая девица и стала тереться своими прелестями о блестящий металлический шест, пытаясь вызвать оргазм не то у себя, не то у зрителей. Не добившись, по-моему, ни того ни другого, она откланялась при полном молчании публики и исчезла, а ей на смену вышла вторая стриптизерка... потом третья...

Я сидел в тоске, допивая уже третью чашку кофе и докуривая свою дневную норму сигарет, когда после очередной стриптизерки, безуспешно трахавшей все тот же полированный шест, появилась пара лесбиянок, и в одной из них я тут же опознал Полину.

«Бинго! – сказал я себе. – Звони Рыжему! Вызывай его прямо сюда!»

Но что-то удержало меня за столиком – какое-то неясное мне самому чувство.

Я смотрел на Полину.

Я смотрел, как она танцует со своей партнершей почти такого же нечеловечески высокого роста – обе медленно, в танце принялись раздевать друг друга... И публика вдруг подошла поближе, окружила сцену, потому что было в движениях этой пары вовсе не то механическое задирание ног, с

которым предыдущие девки трахали металлический шест, а нечто теплое, человеческое. Да, теперь в этой эротической пантомиме была какая-то борьба не деланной страсти, а нежности – Полина, явно мягче и женственнее своей партнерши, постепенно сдавалась ей, уступала, а та, раздеваясь сама, все снимала и снимала с Полины – кофточку, юбку, бюстгальтер, трусики... И они разделись совершенно догола (хотя, как мне кажется, это запрещено даже в ночных клубах), и Полина, волнисто извивая свое прекрасное белое тело, налитое соками соблазна и вожделения, сочное и упругое, с двумя шарами груди, темными бугорками сосков и золотым пухом в паху, – Полина уже легла на пол, а ее партнерша, склонившись над ней, почти накрыла ее своим загорелым, мускулистым и ликующим от победы телом...

Чеченцы, конечно, все до одного встали из-за своих столиков, чтобы видеть получше...

А черные волосы победительницы, упавшие на белокурые волосы Полины, скрыли их поцелуй...

И трепет их эротических конвульсий вдруг стал синхронным...

И публика взорвалась аплодисментами...

Я тоже встал и подошел к сцене – правда, не для того, чтобы аплодировать, а чтобы не упустить момент, когда Полина нырнет за ширму, отделяющую сцену от кулис. Нет, вру! Вру, как бездарные литературные негры Незнанского и нашей главной Агаты Кристи! С той первой секунды, как по-

явилась эта Полина, какой-то странный, как изморозь, холод почти заморозил мне дыхание, какой-то гул наполнил голову и пульс. Черт возьми, в моей жизни были женщины, были, клянусь вам! Некоторые из них были даже красивы, ей-богу! Некоторые были истовы в постели до крика, до пота, до бессилия... Но такой концентрации эротики и красоты, юности и порока, невинности и вожделения, какую я вдруг увидел и ощутил в Полине, – этого у меня не было никогда, и я вдруг понял скрытый смысл двух строчек какого-то третьего разрядного поэта: «Я давно хотел такую – и не больше, и не меньше!» Да, именно такую я неосознанно искал и хотел всю жизнь, именно такие боттичеллиевские нимфы снились мне в грешных снах моей давно забытой юности. Но потом другие бабы своими сытыми прелестями заслонили этот тонкий и призрачный идеал, отодвинули и похерили его. И вот теперь, когда я уже вышел в тираж, когда я стал пенсионером и скорее всего импотентом, – именно сейчас я увидел ее, нашел, больше того – должен преследовать, ухватить, удержать и своими руками отдать Рыжему...

Fucking life! – гребаная жизнь, как говорят англичане.

Но в тот момент, когда я, терзаясь между цинизмом своей профессиональной миссии и неожиданной волной юношеских желаний, ударивших мне в голову и пах, когда я все-таки подобрался к ширме, отделяющей сцену от хода за кулисы, когда изготовился нырнуть за нее следом за Полиной, – именно в этот момент вдруг что-то случилось в клубе, слов-

но какой-то вихрь, нет, ураган пробежал по залу: все отвернулись от сцены к центральному входу и просто замерли с открытыми ртами.

Так – из ничего, из морского марева – Христос являлся потрясенному народу.

Так – из ничего, из пены морской, «золотыми латами горя»... ох, да что там сравнивать!

Представьте себе не трех и даже не дюжину боттичеллиевских Венер, а ровно пятьдесят – высоченных, стройных, юных и гибких, прекрасно одетых в полупрозрачные мини-туники и короткие платья, легких, как ангелы, длинноногих, как баскетболистки, и соблазнительных, как сам грех, – представьте себе эту сиятельную толпу неземных красавиц и див, влетевших вдруг в полупустой ночной клуб. С ходу, даже не тормознув у бара и не оглядевшись по сторонам, они оказались на сцене и вокруг нее и стали танцевать – все вместе, все пятьдесят! А этот кожано-джинсовый диск-жокей, с серьгой в ухе и косичкой на затылке, ошалев от их появления, тут же врубил нечто ритмичное и совершенно оглушающее. И эти нимфы, русалки и Венеры – теперь я видел, что они не одной, а разных национальностей и рас – с ходу вошли в этот ритм, их бесподобные, вытянутые, стройные и идеальные фигуры стали, извиваясь, как морские водоросли, дрожать, пульсировать, скидываться и биться в забытии и экстазе, их волосы взлетали над их оголенными плечами, как... нет, стоп, господа, я вам не Куприн, не Булгаков и не

Набоков, я простой подполковник на пенсии, не требуйте от меня изысканных эпитетов и сравнений!..

Но с другой стороны, Господи, никогда в жизни ни Куприн, ни Булгаков, ни Набоков и не видели таких красавиц – все, как на подбор, метр восемьдесят и выше, все, как на подбор, с суперточеными фигурами, и все, как на подбор, боттичеллиевские красотки – брюнетки, блондинки, шатенки... да, я отчетливо, ясно и осознанно понял, что это нечто неземное, что они просто спустились с небес. И все это понимали, все буквально: никто не рискнул войти в их круг, станцевать с ними, коснуться их – ни юные проститутки, ни молодые клубные плейбои, ни даже чеченцы...

От оторопи и изумления я потерял из виду Полину, и она каким-то образом исчезла со сцены, а я все смотрел, зырился и тарачился на это шоу, представление или, точнее, *явление* совершенной Красоты, Юности, Эротики и Соблазна. Как сказал грузинский писатель Тенгиз Гудава, эротика – это вкус яблока, которым Ева соблазнила Адама, – и мы все вдруг ощутили этот вкус на своих зубах, и у всех у нас обильно пошла слюна...

И вдруг я увидел Абхаза. Он стоял ближе всех к этим танцующим феям и ведьмочкам, и легкая улыбка счастливого пастуха блуждала по его лицу, а его глаза... о, эти глаза были совсем иные, чем днем, всего несколько часов назад! Теперь это были глаза молодого волкодава, они точно вымеряли и сторожили пространство между этими богинями и на-

ми, простой публикой.

Я подошел к нему:

– Кто это?

– Журнал «Look» снимает свой клип в Москве, это их модели со всего мира, – объяснил он. – Весь день они снимались на Красной площади и на Воробьевых горах, а перед отлетом захотели потанцевать в каком-нибудь клубе. И я привез их сюда, меня тут знают, и здесь к ним никто не полезет. Ты видел свою Полину? Она тут работает...

– Да, спасибо. Они долго пробудут?

– Сорок минут. Потом – в Шереметьево.

Я посмотрел на часы. Было 10.40 вечера. Мой бывший шеф хоть и сукин сын, но трудоголик, раньше десяти он с работы никогда не уходит. Я вышел из грохота этой музыки в вестибюль, к раздевалке и набрал на мобильнике знакомый номер. Теперь, когда я знал, что Полина работает в «Вишневом саду», я мог и не спешить звонить Рыжему. Зато Палметову...

Есть! Бинго, как пишут в американских книгах. Он снял трубку:

– Генерал Палметов.

– Добрый вечер, Олег Антонович, – сказал я как можно теплее, но все же с невольной иронией в голосе.

– Кто это? – спросил он настороженно.

– Пенсионер Чернобыльский. Товарищ генерал, я хочу сделать вам маленький подарок. Сейчас в бывшем клубе

«Немирович-Данченко», что на Тверской, происходит восьмое чудо света. Пятьдесят лучших моделей Европы! Если вы будете здесь через десять минут, вы еще успеете их застать, через полчаса они улетають...

Я знал, на что бил. И он знал, что я знаю, на что я бью. Большого юбочника, бабника, трахальщика и вагиностральца, чем генерал Палметов, нет во всех силовых структурах Российской Федерации. Но – тайного. Если бы я осмелился позвонить ему с таким предложением раньше, во время своей службы, я бы вылетел с работы задолго до пенсионного возраста. Но теперь...

Он взвешивал мою наглость довольно долго для офицера ФСБ – секунд тридцать. И сказал или, точнее, буркнул:
– Ладно, сейчас приеду.

И был здесь ровно через три минуты двадцать секунд, хотите – верьте, хотите – нет. Но в конце концов – сколько нужно времени, чтобы доехать с Лубянки до Пушкинской площади, если у вас служебная «ауди» с фээсбэшным номером?

Стоя в толпе у сцены, на которой продолжали танцевать – сами для себя, только для себя! – эти залетные райские птицы, я краем глаза увидел своего генерала. Маленький и лысый, как покойный Ролан Быков, но с личиком наивняка, в толстых бифокальных очках и при черной, подковой, бородачке – встретив такого на улице, вы бы приняли его за мелкого щипача или квартирного маклера. А между тем он в свои 42 года уже был генерал-полковником и начальником самого,

может быть, грозного на сегодняшний день направления работы ФСБ – борьбы с сокрытием доходов.

Жалея упустить каждый миг этого прекрасного действия на сцене – я четко понимал, что никогда в жизни мне больше не доведется увидеть разом такое количество небесных красавиц да еще в эротическом экстазе бурного танца (на нас, аборигенов и плебеев, они не обращали никакого внимания, просто не видели нас в упор, как нетопырей и гномов), – я тем не менее все-таки поглядывал на Палметова. Его голова была чуть откинута назад, как бы отстраняясь от действия на сцене жестом бывалого критика и знатока, его лицо не выражало никаких эмоций, его короткие ручки тонули в карманах его серых брюк, но его нижняя губка, оттопырившись, увлажнилась слюной, а его левая ножка... о, его маленькая, в черном ботинке левая ножка мелко притопывала носочком в такт музыке, и – я-то знаю! – это было выражением его крайнего возбуждения.

Я ждал. Я знал, что рано или поздно он сам подойдет ко мне, и я ждал этого момента. И дождался – он, не отрывая глаз от танца этих райских див, боком подошел ко мне, спросил сквозь зубы:

– Кто такие?

Я дословно повторил то, что сказал мне Абхаз. И тут же за толстыми очками Палметова, в его глазках-крыжовниках, как в арифмометре, запрыгали торопливые блески просчета – как и каким образом можно остановить или задержать

отлет этих красоток, как отбить от этого стада хотя бы одну телочку...

Неожиданно Абхаз подошел к джинсовому ди-джею, сказал что-то, и тот вырубил звук, а Абхаз громко объявил своему небесному стаду:

– That's it! Eleven o'clock! Everyone on the bus!²¹

И вся эта стая райских див с птичьим щебетом тут же выпорхнула из зала, как исчезающее видение.

Палметов проводил их сожаляющим взглядом и повернулся ко мне.

– Спасибо, – сказал он. – Чем обязан?

Я усмехнулся:

– Просто подарок. Хотелось поделиться эстетическим удовольствием.

Но он мне, конечно, не поверил. Он отвернулся к бару и хозяйским жестом ткнул пальцем в бармена:

– Два виски. Со льдом.

И нечто настолько властное, генеральское было в его жесте и голосе, что бармен тут же, прекратив взбивать коктейль для новых русских, сделал нам два виски со льдом. Палметов, расплатившись, протянув мне один из дринок.

– Значит, по ночным клубам ходим? Пенсию пропиваем?

Я молчал. Он, не дождавшись ответа, огладил свою бородку:

– Ладно, это неплохо... – и отпил виски. – Чем могу быть

²¹ Всё! Одиннадцать часов! Все в автобус! (англ.)

полезен?

Я удивился, обычно он выражался еще точнее, он говорил: «цена вопроса», и это была его подпольная кличка, так – за глаза – его звали и мы, и клиенты: «Палметов – цена вопроса».

Но с другой стороны, именно такой подход всегда упрощает отношения. Я сказал:

– Мне нужно на двадцать минут заглянуть в компьютер в нашей конторе.

Палметов задумчиво сложил бантиком свои заячьи губки и сузил глазки:

– Сейчас?

– Когда вам будет удобней, – сказал я почтительно.

Ну вот я и опять на службе! «Сбылась мечта идиота!»

Эти тяжелые стены... эти знакомые коридоры... эти прокуренные комнаты... эти полы с потертыми дорожками... это сочетание секретности и обыденности... эта стандартная мебель и новенькие портреты президента Путина на стенах... и эти пустые бутылки у дверей туалета, собранные уборщицей из кабинетов...

В наших столовых – для рядового состава на первом этаже и в генеральской на третьем – меню, которое я за годы службы выучил наизусть, отличается скрупулезностью цен, определяемых чистой себестоимостью продуктов: «Борщ московский – 9 р. 11 коп.; суп рисовый с картофелем и курицей – 10 р. 28 коп.; судак, запеченный под майонезом, – 23 р.

97 коп.; шницель мясной с маслом – 11 р. 91 коп.; котлеты рубленые из кур с маслом – 16 р. 81 коп.; гуляш мясной – 11 р. 83 коп.; свинина в тесте – 19 р. 00 коп.; пирожок с грибами – 3 р. 72 коп.; картофельное пюре – 5 р. 50 коп.; каша гречневая – 1 р. 28 коп.; компот из апельсинов – 5 р. 12 коп., чай с сахаром – 1 р. 86 коп.».

Наверное, опубликуй я эти цены, они могут вызвать новое потрясение социальных основ, но на сей раз общество может не волноваться – вкус и калорийность этих блюд идеально этим ценам соответствуют: такого *пустого* борща вы, я думаю, не найдете даже в студенческих столовых. (Да, Владимир Владимирович, если так кормить своих бывших коллег, вертикаль власти может наклониться...) Зато в буфетах наших столовых прогресс и демократия налицо: коньяк, водка и вино продаются совершенно открыто. И, судя по батареям бутылок, которые уборщицы собирают к вечеру возле туалетов, эта демократия теперь достигает у нас невиданных высот – о, что было бы с Андроповым, если бы он это увидел!..

Я сижу на четвертом этаже в отделе «Секретная папка», забитом шкафами, письменными столами и компьютерной техникой, и под приглядом Палметова рыскаю по экрану старенького «Пентиума», пытаюсь среди гекабайтов компромата в электронной картотеке ФСБ в считанные минуты найти и вобрать в память страницы нужной мне информации.

«Кожлаев Роман Расимович, авторитет по кличке Кожун – владелец ООО „Юготранс“, ЗАО „Петролюкс“,

ЗАО „Красноплюиво“, ЗАО „НАМ“, ЗАО „КОСТ“ и др. с легальным оборотом 60 млн долларов в год, а фактическим (по данным подполковника Чернобыльского) – не меньше \$300 млн в год. Основные финансовые потоки по цепи оффшорных банков оседают на Западе, местонахождение неизвестно.

22.09.2000 смертельно ранен на Красной Пресне при выходе из клуба „Планета „Голливуд““. 23.09.2000 умер в б-це им. Склифосовского.

В убийстве подозреваются Ореховская ОПГ, занимающаяся нелегальной торговлей оружием, и чеченская ОПГ, занимающаяся нелегальной торговлей нефтью.

В связи с отсутствием улик следствие по делу об убийстве Кожлаева закрыто 16.03.2001...»

«Банников Виктор Васильевич, 1969 года рождения. До 2000 года – начальник охранной фирмы „Кит“, с сентября 2000 года – хозяин всех фирм Кожлаева, согласно официальному завещанию последнего. Из текста завещания, подписанного Кожлаевым в январе 2000 года, следует, что Банников трижды – в Чечне и в Москве – спас ему жизнь, причем в январе 2000 года буквально своим телом закрыл Кожлаева в перестрелке во время криминальной разборки в Раменках и был ранен в плечо. После чего Кожлаев и Банников стали побратимами, и Кожлаев составил завещание, в котором оговорил, что в случае его смерти все его бизнесы и недвижимость отходят его „брату“

Банникову.

23.09.2000, сразу после смерти Кожлаева, Банников вступил в права владения фирмами и недвижимой собственностью покойного...»

Прямо скажем, информации – с гулькин нос. Но я сидел, уставясь в экран и соображая: из архивной памяти компьютера исчезла даже та малая информация о криминальном прошлом Банникова, которую я сам в нее закладывал до ухода на пенсию. Если бы Палметов не сидел сейчас рядом со мной и не зырился на меня, я бы, конечно, вошел в «свойства файла» и посмотрел дату его обновления. Хотя и так ясно, что кто-то поработал в этом файле, почистил его. Но кто? Ответ напрашивался сам собой – «Цена вопроса», кто же еще? Поэтому Палметов и примчался в «Вишневый сад», и поэтому он тут же привез меня в контору, дал доступ к компьютеру – он знает Банникова и знает, что я на него работаю. А я, как последний осел, на его глазах с ходу полез за информацией об этом Банникове...

Но – стоп! Ну и что? Чем я тут себя выдал? Может быть, я, работая на Банникова, хотел ему услужить и почистить его «record», то есть записи в его файле? Хорошо. Попробуем этот ход.

Я издал облегченный выдох и повернулся к Палметову:
– Все. Спасибо.

Он усмехнулся:

– Не за что. Все нормально?

– Да. – Я кивнул на экран: – Выключаю?

Палметов, щурясь, почесал свою бородку, словно думая о чем-то другом или взвешивая свой следующий ход.

Я выключил компьютер и встал, собираясь попрощаться.

– Подожди... – сказал Палметов. – Ты это... Ты, когда разрабатывал Кожлаева, вышел на какие-нибудь банки, куда он деньги сбрасывал?

– Если вы помните, мы тогда закрыли эти разработки... – сказал я, тактично заменив обвинительное «вы» на общее «мы».

Но Палметов меня понял, поморщился:

– Ну, я закрыл, не важно. Но какие-то конкретные наводки у тебя были?

Я пожал плечами:

– Если помните, я должен был лететь на Кипр.

– Помню, – отмахнулся Палметов. – Но это было бесперспективно – какой-то оффшорный банк. Там наверняка только перевалочный пункт. А еще что-то было?

– Насколько я помню – нет.

– А ты вообще имел представление, сколько весил этот Кожлаев? Сколько он сбросил за бугор?

– Я думаю, миллионов триста.

– Сколько? Сколько? – Палметов не то натурально изумился, не то сделал изумленный вид.

Я в уме мстительно улыбнулся, а вслух сказал:

– Я же вам докладывал. За неделю до дефолта несколь-

ко самых приближенных к Кремлю банкиров знали, что случится 17 августа. И предъявили Кремлю свои ГКО, требуя валюту. Но казна была пуста, как борщ в нашей столовой, и Кремль расплачивался заводами, нефтяными месторождениями и акциями «Газпрома». Самые золотые куски госсобственности по бросовым ценам ушли тогда в обмен на эти бумажки. И тот, кто до 17 августа весил миллионы, враз стал миллиардером. Кожлаев был среди них. Правда, на миллиард он не потянул, но триста – четыреста миллионов успел нажить, у него были очень высокие контакты. А потом он стал отправлять за рубеж медь, никель и еще массу всего – в огромных количествах. Формально это отправлялось бартером, под контракты на поставку лекарств, продуктов и презервативов. Но... Львиная доля этих поставок никогда в Россию не поступала, а выручка за экспорт осталась там, за бугром...

Палметов постучал пальцами по крышке стола:

– Н-да... Сгорели, значит, эти денежки... Жаль... Государству быгодились...

Последнее было сказано явно в расчете на мою прежнюю служебную глупость, но я сделал вид, что съел и это.

– Разрешите идти?

– Да уж, иди. Спасибо за шоу.

– И вам спасибо. Уже первый час. Неужели вы еще будете работать?

– Посижу еще с часик у себя в кабинете. Завтра мне на

доклад к министру.

– Спокойной ночи.

– Давай я тебе пропуск отмечу.

Он подписал мне бумажку-пропуск, я спустился лифтом вниз и вышел из проходной на Лубянку.

Несмотря на апрель, ночь была холодная, ноль или даже минус два. Но я не стал спешить ни к метро, ни на троллейбус. Вниз по Пушечной к Столешникову переулку и на Тверскую... Конечно, пешком отсюда до Беговой далеко, но за годы работы в конторе я проделал этот маршрут не меньше тысячи раз и знал, как он помогает прочистить мозги и обдумать ситуацию.

Итак, что мы имеем? Не нужно быть комиссаром Мегре, чтобы не связать убийство Кожлаева с его завещанием. Банников из той породы очаровательных и услужливых мерзавцев, которые способны окучивать вас неделями, месяцами и даже годами, а потом в момент «икс» сразу употребить, сделать, отнять деньги, бизнес, дом, любимую женщину и даже жизнь. Этих авантюристов, подлипал, приживал и проныр, которые умело, обаятельно и даже талантливо набиваются вам в друзья и в партнеры, опутывают вас сотнями мелких одолжений, восхищением и лестью, утешают в трудные моменты, развлекают и даже угощают икрой и водкой, – этих, я повторяю, профессиональных пройдох последнее время развелось как блох. Они вползают в вашу жизнь, втираются в доверие, присасываются, как паразиты, и начинают жить ва-

шими соками, пока не возомнят себя выше, умнее и талантливее своих жертв. И тогда они вас убивают...

Можно было что угодно говорить о Кожлаеве – бандит, рэкети́р, криминальный авторитет, – но нельзя было отнять у него талант крупного, с размахом, предпринимателя. Да, он по-бандитски, как рэкети́р, отнимал прибыльные бизнесы у пионеров перестройки и мелких энтузиастов постсоветского капитализма. Но он не выжимал эти бизнесы, как большинство наших бандитов, а развивал, укрупнял и загружал их правительственными заказами, лицензиями на беспошлинный экспорт продукции и беспошлинный импорт оборудования для модернизации своих предприятий. Конечно, это происходило с помощью взяток и дележки навару с министрами ельцинского призыва, но есть ли в России хоть один успешный бизнесмен, миллионер или олигарх, который прошел другой путь? Загляните на сайт «compromat.ru» – о, вы там такое прочтете!..

Банников трижды спасал Кожлаева и даже подставлял себя под пули ради него, – я думаю, так Берия «спасал» Сталина от покушений, разыгранных им самим. Но как только Кожлаев назвал Рыжего своим побратимом и подписал завещание, он – не прошло и полгода – получил три пули в живот. Конечно, можно хоть сейчас по пути свернуть с Пущечной на Петровку и повидать кой-кого из убойного отдела, они там и по ночам дежурят. Или завтра навестить друзей в прокуратуре. Но зачем мне их навещать? Если рыжий

Банников вышел из этого дела чистым, то цена этого вопроса была с большими нулями, и хрена с два тебе что-нибудь скажут даже самые лучшие друзья.

Нет, идем дальше, мне больше нельзя засвечивать свой интерес к Рыжему. Налицо какая-то многоходовая комбинация Банникова при участии Палметова (или наоборот), а я в этой комбинации только пешка для первого хода.

Хорошо, тогда рассмотрим эту же ситуацию с другой стороны. Я был у Полины 2 апреля и выяснил, что она съехала с квартиры за две недели до этого, то есть 15–17 марта. А 14 марта было закрыто расследование убийства Кожлаева. И выходит, что буквально наавтра после закрытия этого дела рыжий Банников ринулся к Полине. То есть пока тянулось расследование и Рыжий был скорее всего под подозрением, он не рыпался, а только прибирал к рукам то, что ему легально положено по завещанию. А когда дело закрыли...

Однако при чем тут Полина? Банников и Палметов или Банников с помощью Палметова ищут бабки Кожлаева, которые тот скинул за бугор. Но разве может Полина знать, где эти деньги, если уже четыре года не видела Кожлаева? И стал бы говорить Кожлаев какой-то шестнадцатилетней любовнице о том, где у него на Западе деньги? Да у него таких телок, как Полина, целый шкаф...

Нет, тут что-то другое. Но что?

Я вышел на Тверскую. Она была практически пуста, только на Пушкинской, у «Пирамиды» и подземного перехода

к Тверскому бульвару, топтались несколько алкашей, армейский патруль и сутенерша в коротенькой, до причинного места, куртке. Увидев меня, она тут же пристроилась к моему плечу, зашагала рядом.

– Мужчина, девушку на ночь хотите? Недорого.

– Спасибо. Обойдусь.

– Ну зачем же всухомятку обходиться? Ей-богу, недорого. Блондинки, брюнетки, свеженькие, хохлушки...

– Отзынь.

Она тут же отстала.

Я спустился в подземный переход, прошел под Тверской и поднялся у бывшего магазина «Наташа», ныне ставшего «Беннитом». Просто поразительно, как все западные фирмы лезут к нам на Тверскую, превращая ее в подобие своих западных авеню, рю и виа.

Здесь, у «Беннитона», все повторилось: снова прыщавая «мамка» в коротенькой куртке, снова: «Мужчина, девушку на ночь...» Интересно, что пару недель назад, когда я тонул в своей депрессии, я проходил здесь беспрепятственно и никто меня не останавливал. Значит, появилось во мне что-то новое, денежное – они это нюхом чувят. Или еще чем-то...

Отвязавшись и от этой, я пошел дальше. Под аркой, в растворе Малого Палашевского переулкa стояли «Жигули», набитые такими крашеными лахудрами, что не только «недорого», а даже с доплатой не знаю, кто их берет. Зато буквально через сто метров, у входа в «Вишневый сад», бывший

«Немирович-Данченко», весь тротуар был заставлен «мерседесами» и «БМВ», и стильные телки с фигурами манекенщиц, в высоких блестящих сапожках и дорогих меховых шубках, проходили от этих машин в клуб в сопровождении своих новых русских «кавалеров».

Гм, подумал я, а чем черт не шутит? И свернул в двери клуба.

Вот теперь это было похоже на ночной клуб – в притемненном зале гремела дискотечная музыка, зеркальные шары, висевшие под потолком, вращались и разбрасывали по стенам и потолку снопы разноцветных лучей от спрятанных в углах прожекторов, пульсировавших в ритме музыки, а в центре зала, на танцевальной площадке и вокруг нее, дергались, бесились и тряслись сотни две стильных девиц и их не очень молодые кавалеры. Причем если девицы танцевали, как бы погружаясь в себя, в свои ощущения экстаза и предоргазма, то их располневшие мужчины дергались эдак наружу, напоказ, демонстрируя своим девушкам и всем окружающим, что они-де еще вполне и могут...

Но Полины я тут не увидел.

Поманив к себе бармена – он наклонился ко мне через стойку, – я прокричал ему в ухо: «А где администратор?», и он неопределенно махнул рукой на ход за сцену. Я пробился через толпу твистующих, нырнул за кулису и тут же оказался в служебном коридоре, заставленном ящиками с пивом «Амстел», кока-колой и тоником. В дальнем конце ко-

ридора была приоткрыта дверь какого-то кабинета, я прошел туда. В кабинете, тоже заставленном ящиками с напитками, за письменным столом с двумя городскими телефонами и факс-машиной сидел все тот же джинсово-кожаный диск-жокей с серьгой в ухе и косичкой на затылке. Перед ним на столе с деловыми бумагами лежала коробка с остатками пиццы, которую этот кожаный подьедал мокрыми от жира и томатного соуса пальцами. И одновременно говорил по мобильнику, прижатому к плечу:

– На завтра. Пиши, говорю, а то забудешь! В 10.30 у тебя «Монте-Карло», в двенадцать ровно – «Титаник», в 1.30 – «Кристалл». Ничего, успеешь. Все, у меня люди...

Положив трубку и запив пиццу пивом, кожаный вопросительно уставился на меня.

Я молча показал ему свои фээсбэшные корочки.

Кожаный тут же вытер руки и губы скомканной ресторанной салфеткой.

– Слушаю вас. – И в зазвонивший мобильник: – Да! Алло! Перезвони через десять минут... – И снова мне: – Садитесь.

Я кивнул на два обычных телефонных аппарата, стоявших на его столе:

– А что, городские не работают?

– Почему? Работают, – сказал он и снова – в мобильник, зазвонивший опять: – Да?.. Серега, все дам, но через десять минут, о'кей?... – и дал отбой.

Почему-то многие думают, что прослушивать мобильные

телефоны труднее, чем городские...

Я сел напротив кожаного, положил перед ним фото Полины.

– Знаешь такую?

Он взял фотокарточку двумя пальцами, посмотрел и положил передо мной.

– Нет, первый раз вижу.

Я усмехнулся:

– Ее зовут Полина Суховой, она тут выступала два часа назад. В паре с лесбиянкой. Мне нужны ее координаты.

– Ах, эта... – не смутившись, протянул кожаный. – Но я не знаю ее, ей-богу!

– А как же она тут выступает, если ты ее не знаешь?

– А я вторую знаю. Я ей звоню, они приезжают.

– Как часто?

– Ну, раз в неделю, не чаще. А что? Случилось чего?

– Пока нет. А где они постоянно работают?

Теперь он усмехнулся:

– Эти твари постоянно нигде не работают, товарищ полковник. Только в койке.

Я понял, что дал какого-то маху, но не отступил:

– В койке они больше бы зарабатывали. Сколько ты им платишь?

– Полтинник. Но вы за них не беспокойтесь, они за ночь объезжают три-четыре клуба.

Теперь я понял, чем он занимается – не только своим клу-

бом, но и обеспечением стриптизерками других ночных заведений. Или наоборот: обеспечивает стриптизерш этой работой в ночных клубах...

– Хорошо, – сказал я, – дай мне телефон этой второй, партнерши.

Он заколебался и вдруг сказал нагло вато:

– А откуда я знаю, что вы не для своей половой потребности?

– Если бы для своей, я бы сейчас тебя трахнул, баран!

Он замер с приоткрытым ртом и уставился на меня.

– Правда? Закрывать дверь?

И вдруг, как-то сразу обмякнув и обабившись в плечах, стал расстегивать ремень на своих кожаных, в обтяжку, брюках.

Я психанул – не столько на него, сколько на себя за свою необразованность. И, перегнувшись через стол, схватил его за горло.

– Отставить, мутила! Давай телефон!

– Сейчас, сейчас... – пролепетал он. – Отпустите...

Я отпустил его горло.

Он провел рукой по шее, повертел ею и достал из ящика стола несколько листов, скрепленных металлической прищепкой. На листах был столбик имен и телефонов. Он быстро провел пальцем по этим именам, перелистнул на следующую страницу и остановился.

– Вот. Лесбос. Тамара. 764 98 17.

– И все?

– Все. А что еще нужно?

Действительно, что ему еще нужно, чтобы диспетчерить тут по ночам, поставляя в ночные клубы своих стриптизерш? Каждый устраивается в этой жизни как может...

Я вышел от этого «дежурного по апрелю», слыша за спиной телефонные звонки его мобильного и голос:

– Да... Сейчас, только дверь закрою...

Но это был еще не конец вечера. Или, точнее, ночи. Выходя из клуба, я возле раздевалки буквально лицом к лицу столкнулся... – с кем бы вы думали? С Инной Петровной Соловьевой, своей несостоявшейся соседкой и заместителем председателя правления Российского промышленно-инвестиционного банка! Оживленная, даже сияющая и с большим букетом роз в руке, она стояла в компании статных молодых, одетых, что называется, «с иголочки» в сплошные деловые «армани» и «версаче». Я даже захлопал глазами от изумления – как, разве не она всего две недели назад похоронила мужа?

– Добрый вечер... – буркнул я, проходя.

– О, сосед! Здравствуйте! Как вы поживаете? – Она явно забыла, как меня звать, но в ее глазах вдруг зажглось нечто значимее пустой вежливости – там, в глубине этих черных, как уголь, глаз возник некий странный, я бы сказал, интерес к моей ничтожной фигуре, словно она увидела меня впервые. Или это и вправду во мне вдруг появилось нечто, что

обращает на меня внимание новых русских женщин – сутенерш и банкирш?

– У вас день рождения? – спросил я.

– Нет. Но можете меня поздравить: я выиграла судебный процесс у Парижского банка! Мы отмечаем.

– Поздравляю.

– Пошли, Инна, – взял ее под локоть молодой и высокий круглолицый блондин с гладко зализанными волосами.

– Позвоните мне как-нибудь, – сказала она мне.

– По поводу вашей квартиры?

– Да. И не только. Позвоните...

Я вышел на улицу и зябко передернул плечами.

Впрочем, если идти быстрым шагом, то отсюда до моего дома не больше двадцати минут хода.

Конечно, ночью мне снилось нечто такое эротическое, что и описать нельзя. А утром...

Назовите меня брюзгой, ворчуном, старым валенком, но вы где-нибудь читали о том, как детектив или следователь, разбирающий крупное дело (обязательно крупное, а как же, станет нынешний автор детективного романа заниматься делом об убийстве топором полуживой старушки!), – так вот, вы читали, как этот следователь посреди сюжета вдруг заболевает какой-нибудь совершенно дурацкой и не к месту болезнью – гриппом, ангиной, аппендицитом? Сотни детективных романов ежемесячно выбрасывают на книжные прилавки артели наших Кристи и Сименонов, десятки сериа-

лов маршем Турецкого и Каменской проходят по телеэкранам, но никто из героев этих боевиков никогда не чихает, не кашляет, не простужается и не прерывает своих героических трудов из-за очередной эпидемии гриппа. И это в стране, где волны гонконгского, филиппинского и прочих гриппов сменяют друг друга с постоянством караула у мавзолея на Красной площади. Это в стране, где гриппом болеют абсолютно все – кроме, конечно, президента и главных героев детективных романов. У телевизионных следователей просто железобетонное здоровье, даже у Каменской за все ее четыреста или пятьсот романов ни разу не было месячных. Очень реалистичные персонажи, бессребреники и подвижники, гвозди бы делать из этих людей...

Да, так о чем я?

Впрочем, вспомнил: на следующее утро... Что ж, не скрою: на следующее утро я, как последний мудак, уподобился этим бесподобным героям наших телесериалов. Несмотря на то что в горле уже першило и даже скребло, несмотря на то что кости ломило, а мышцы (если они есть в этом старом мешке с костями) развезло какой-то сумятной слабостью, я съел свою кашу «Быстрое», оделся по обманчивой апрельской погоде в плащ и – даже без шарфа и шапки – снова отправился в «Би-Лайн», на улицу 8-го Марта, выяснять адрес клиентки с номером 764 98 17.

Она оказалась Рашиловой Тамарой Егоровной, проживающей хрен знает где, у черта на куличках, в Юрлово, на ули-

це Пушкина, дом номер 4, строение 3, квартира 452. Если бы Иван Пущин – лицеист, «мой первый друг, мой друг бесценный», как называл его Пушкин, и «бриллиант среди декабристов», как звали его сами декабристы, – знал, что благодарное потомство назовет его именем улицу в каком-то Юрлово на куличках Москвы и особенно если бы он увидел эту улицу – пустынную, продуваемую ветрами и мусором и застроенную грязными шлакоблочными многоэтажками, которые торчат тут, как редкие зубы в челюсти у нищей старухи, – если бы, повторяю, этот светский щеголь и мечтатель из декабря 1825 года увидел свою улицу нынешнего 2001 года, он, я уверен, тут же перешел бы на сторону царя. И вообще, если бы все декабристы увидели свои имена на табличках наших нынешних улиц, не было бы, я думаю, никакого декабрьского восстания и вся история России сложилась бы иным образом...

Но они были слепы, наивны и, боюсь, даже глупы, как все романтики.

А потому я – еще больший идиот – доехал на метро до Медведково и теперь шел, уже зная, что заболеваю, по этой гребаной улице Пушкина, шел, согреваемый сверху апрельским солнцем и поддуваемый снизу и с боков могильной сыростью и холодом зачерствевших за зиму сугробов, которые, дай Бог, оттают где-нибудь в июне.

Дом № 4 я нашел сам всего за двадцать минут блуждания по грязным и растрескавшимся тротуарам, тонущим в

лужах; а строение № 3 – с помощью аборигенов (двое из них послали меня в разные стороны, третий еще дальше, а четвертый сказал, что «строения 3» можно достичь только в обход, с улицы Кононенкова). Но дворами я все-таки вышел к этому объекту, который действительно фасадом выходил на Кононенкова (кто такой, не знаете?), а тылами – на Пущина, хотя числился почему-то на Пущина. «Строение» оказалось длинным многоэтажным монстром на восемь подъездов, причем в квартиру № 452 на последний, девятый, этаж пришлось подниматься пешком, поскольку лифт не работал.

Зато в подъезде не было ни домофона, ни кодированного замка на дверях, и это облегчило мою задачу, иначе в ожидании этой Рашиловой мне пришлось бы дежурить тут до ночи. Или – до приезда за мной «скорой помощи». Потому что, когда я взошел-таки на девятый этаж, я понял наконец, что у меня грипп и температура под сорок, если не выше, – я был мокрый как мышь.

Почему же я не позвонил этой Рашиловой по телефону? Почему приперся сюда сам, даже без участкового?

Ну а что я мог сказать ей по телефону? Заказать стриптизный танец лесбиянок с доставкой на дом?

Неплохая идея, но, к несчастью, она пришла мне в голову только теперь, когда у меня есть время вспомнить и записать все или почти все детали этой нелепой, но совершенно правдивой истории. А в то время никаких идей, кроме стандартной манеры Битюга тупо пахать каждый след и горячечным

лбом пробивать стены, у меня не было.

Отдышавшись перед дешевой, даже без глазка, дверью квартиры № 452 и утерши свои мокрые от пота лицо и шею, я нажал кнопку звонка. Наверное, я был совсем плох, потому что в ожидании ответа оперся рукой на фрамугу двери и стоял так, наклоненный, с полузакрытыми глазами и подкашивающимися от гриппозной слабости ногами.

Дверь открылась неожиданно, широко и без всяких вопросов «Кто там?». За дверью стоял молодой плечистый амбал из породы солнцевских или таганских быков – в майке и трусах, с коротко стриженной башкой, скуластый, с чуть раскосыми глазами и шеей штангиста. За его спиной, поодаль, в конце короткого коридора высились Полина и Тамара – вчерашние танцорки-лесбиянки из «Вишневого сада», а в про свете меж их фигурами, одетыми лишь в ночные сорочки, был виден кухонный стол с бутылками и какой-то едой.

Впрочем, лицезреть всю эту картину я мог не больше десяти секунд, потому что бык, повернувшись к Полине, спросил:

– Поль, это тот самый?

Кажется, я успел подумать, что меня тут ждали – тот кожаный, с серьгой и косичкой «диспетчер» из «Вишневого сада», видимо, позвонил им, сука, насчет меня, предупредил.

– Ну да, – отозвалась Полина. – Больной какой-то! Таскается за мной...

Сразу после этого – четко, правильно и с разворота – бык

врезал мне в челюсть своим пудовым кулаком так, что я, теряя сознание, рухнул на пол лестничной площадки.

Дальнейшее помню плохо и мутно, как в старом черно-белом телевизоре. Кажется, он тут же втащил меня в прихожую и обыскал. На мне не было оружия, а были только мобильник, четыреста рублей с мелочью, ключи от квартиры и мои фээсбэшные «корочки». Деньги и мобильник он тут же изъясал, а корочки не произвели на него впечатления, он, я слышал, сказал встревоженным девицам:

– Да фуфло это, такие ксивы возле любого метро червонец стоят...

Затем бык кулем выволок меня, бездыханного, из квартиры, врезал для верности еще раз под дых, пнул ногой с лестницы: «Пшел, мудила старый!» – и закрыл дверь.

Просчитав боками ступеньки лестничного пролета, я скатился на следующую площадку меж этажами, к широкой трубе и сломанному зеву мусоропровода.

Сколько я там пролежал без сознания, не знаю. Но уж не меньше часа...

Помню, когда очнулся и попробовал встать, то подняться даже на четвереньки у меня не было сил, и после третьей попытки я рухнул на пол, сжался, на манер утробного ребенка, и затих, пытаясь согреться в своем тонком и грязном плаще.

Но бетонный пол был словно лед, меня то трясло до стука зубов, то бросало в жар, а в голове почему-то крутились только две мысли: я нашел ее – не сдохнуть – я нашел ее –

не сдохнуть...

Через какое-то время этажом ниже открылась дверь, и мужик с мусорным ведром вошел к выломанной дверце мусоропровода. Увидел меня, брезгливо обошел, ссыпал мусор в мусоропровод и, оставив рядом со мной пустое ведро, поднялся этажом выше, позвонил в 452-ю квартиру.

– Кто там? – спросили у него из-за двери.

– Бляди! – обратился он громко. – Или вы заберете своего клиента с площадки, или я сейчас в милицию звоню! Проститутки гребаные! – И, не дожидаясь ответа, спустился на пролет, взял пустое ведро и ушел в свою квартиру.

Минуту спустя наверху открылась дверь и голос быка сказал:

– Ну что? Выкинуть его из подъезда на фуй?

– А может, он и правда из ФСБ? – спросил низкий женский голос.

– Тем более! – ответил бык.

– Что-то он не шевелится, – сказал высокий голос Полины. – Ты его не убил, случайно?

После этого я услышал, как женские каблучки протопали вниз по лестнице, и чья-то прохладная рука легла мне на лоб.

– Слышите, у него жар! Нужно его поднять...

– Да брось ты, Поля! – сказали сверху. – Пусть валяется. Дима, вытащи его от подъезда подальше!

Я представил, как меня сейчас волоком потащат девять этажей вниз по лестнице, и понял, что это конец. Но тот же

голос Полины произнес надо мной:

– Нет, нет! Что вы? А если он умрет, это ж на нас повиснет! Дима, иди сюда, помоги мне...

Вдвоем они подняли меня и потащили вверх – справа Полина тащила за рукав плаща, а слева этот бык волочил меня за плечо брезгливо, словно грязного пса за шкуру. Впрочем, дальше прихожей их милосердие не продвинулось – затащили в квартиру и бросили в прихожей, прислонив спиной к стенке. Да дверь закрыли.

– Ну и что ты собираешься с ним делать? – спросил женский голос.

– Не знаю... – Прохладная рука снова ощупала мой лоб. – Он весь горит... – И Полина затормошила меня за плечо: – Эй! Старый! Ты где живешь?

– Пить... – прохрипел я чуть слышно.

– Сейчас...

Каблуки протопали на кухню, и оттуда послышалось:

– Нам ехать надо.

– Минутку. Я ему хоть чаю дам.

– Давай по-быстрому, уже три часа.

Те же руки, что ощупывали мой лоб, поднесли мне чашку с горячим чаем.

– Пей. Ну!

Я отпил пару глотков и открыл глаза.

Полина присела передо мной, ее зеленые глаза были совсем рядом. И еще – высокие коленки в тонких колготках и

распах меховой шубки, под которой совсем на уровне моих глаз была воронка мини-юбки, не закрывающая практически ничего, даже узеньких под колготками трусиков.

От этой перспективы у меня перехватило дыхание.

– Где ты живешь? – повторила Полина.

Я попробовал ответить и тут же почувствовал, что не произнесу ни слова – в горле словно рашпилем прошлись.

– Ладно, поехали! – сказал бык, выходя из комнаты, теперь он был одет в стандартную униформу братвы – кожаную куртку, спортивные шаровары и кроссовки «Найк».

– А как же с ним? – показала на меня Полина.

– Да выкину я его на хрен! Поехали! – И бык легко, словно пустой мешок, поднял меня с пола и понес-потащил из квартиры к лестнице.

Правда, на лестнице, где-то на уровне пятого или четвертого этажа, он подустал, и мне пришлось идти самому, он лишь удерживал меня от падения.

Выйдя с ними или, скорее, вывалившись из подъезда (почему-то не из того, со двора, через который я входил, а из противоположного, на улицу Кононенкова), я глотнул холодного воздуха и – ангина, видимо, уже так воспалила горло, что я закашлялся до слез, повалился в этом кашле на скамейку у подъезда и все не мог продохнуть.

А они – все трое – сели в зеленую «девятку» и отчалили по улице Кононенкова.

Но вдруг...

Вдруг я услышал и увидел, как эта «девятка» вернулась ко мне задним ходом, и Полина выскочила из нее, голоснула «Волге», проходившей мимо. «Волга» тормознула, Полина подскочила ко мне, сунула мне в руки деньги, мобильник и мои фээсбэшные «корочки».

– Держи, это твое. Езжай домой. Ну! Вставай!

Я, согнувшись и продолжая кашлять, поплелся к «Волге».

– Куда вам? – спросил хлыщеватый водитель.

– Он скажет. – Полина открыла мне заднюю дверцу «Волги».

– Он чё, один поедет? – спросил водитель.

– Он заплатит, – успокоила его Полина.

– Нет, я его не повезу! – Хлыщ переключил с нейтралки на первую скорость.

Но Полина ухватила за стойку дверцы.

– Да подожди ты, ептать! Ну, заболел человек. Он заплатит...

– Полина, фули ты? – нетерпеливо крикнул бык из «девятки».

– Сейчас! – отозвалась она. – Только посажу человека!

– Да пошла ты! – отозвался бык, и «девятка», взревев двигателем и взвизгнув пробуксовавшими колесами, на второй скорости рванула с места.

– Эй! – испуганно крикнула Полина. – Обождите!

Но братва у нас, даже быки, психованная, это их профессиональная черта. «Девятка», набирая скорость, укатила.

– Блин! – И Полина в сердцах повернулась ко мне: – Все из-за тебя, мудака старый! Ну что ты ко мне привязался?! Садись в машину! – Она втолкнула меня на заднее сиденье «Волги» и села рядом. – Заткнись! Хватит кашлять, козел!..

– Другое дело, – удовлетворенно сказал водитель, явно положивший глаз на Полину. – Твой дед, что ли? Куда вам?

– Беговая... – выдохнул я.

Всю дорогу я полусидел-полулежал, откинувшись головой на сиденье – мокрый, в горячечном поту и в липкой, пропитанной потом рубашке. Температура у меня была за сорок, в груди скрипело, голова раскалывалась, и кашель периодически надрывал легкие и горло. Но и сквозь какой-то гул и жар в голове я слышал, как этот хлыщ кадрил Полину.

– А кто он тебе? Отец или дед? А чё ты вечером делаешь? Ну, давай я к тебе подъеду... Нет, в натуре, у меня бабки есть – расслабимся... Ты в «Норе» была? Клевое место... А ты чё – тоже на Беговой выйдешь или дальше? Дальше? А куда дальше?.. В «Нахимов»? Это чё – кабак на Москва-реке? Да знаю я – на Фрунзенской набережной...

Под этот разговор я, закрыв глаза, соображал, как мне быть. Конечно, я свое дело сделал – нашел эту Полину, теперь она никуда не денется, у меня и адрес, где она живет, и ее «менеджер» – этот кожаный из «Вишневого сада». То есть сейчас, выйдя из машины, я уже могу звонить Рыжему, дать ему наводку, и через час его охрана возьмет ее даже на «Нахимове», тепленькую. И я получу свои честно – если не

кровью, то потом – заработанные деньги.

Но так и не узнаю разгадку этой истории.

Как же быть?

– Куда вам на Беговой? – спросил водитель, и Полина ткнула меня локтем в бок, повторила за ним:

– Куда тут?

Я открыл глаза – мы действительно уже въехали на Беговую со стороны Ленинградского проспекта.

– Бо... Кха-кха!.. Боткинский... Кха-кха!.. На углу... – произнес я, преувеличенно задыхаясь, будто действительно отдаю Богу душу. И пальцем показал на свой дом. – С боковой... кха-кха... дорожки...

Водитель свернул на малую боковую дорожку, я пальцем показал ему свой дом и подъезд.

Этот дом, сохранивший фасад сталинской элитки, произвел на Полину впечатление, она спросила:

– Ты что, здесь живешь? В натуре?

Я, закашлявшись, выпал из машины и снова повалился на скамейку – благо перед нашим подъездом их даже две. Полина вышла за мной, а водитель сказал ей:

– Поехали, он сам доберется.

– Обождешь, – отмахнулась Полина и потянула меня со скамейки. – Вставай, блин! Подохнешь тут!

Превозмогая болезненную слабость, я почти натурально попытался встать, но рухнул опять на скамью.

– Вот сука! – в досаде выругалась Полина. – Где у тебя

ключи?

Ключи были в кармане плаща, она их достала, а я позволил ей поднять себя и, тяжело наваливаясь на ее бок, поплелся к подъезду.

– Код! – требовательно сказала она.

Шатаясь от слабости, я взял у нее ключи, приложил магнитный ключ к замку, и дверь открылась.

В лифте она сказала:

– Ну, ты и горишь! У тебя сорок два, наверное. Дома хоть есть кто? Жена? Дети?

Я отрицательно покачал головой.

– А кто же тебя лечить будет?

Прижимаясь спиной к стенке кабины, я на подкашивающихся ногах стал медленно сползать на пол. Полина, нагнувшись надо мной, как цапля над болотной черепахой, подхватила меня под локоть.

– Стой, блин! Мужики совсем болеть не умеют...

На десятом этаже она вывела меня из лифта.

– Куда?

Я махнул рукой в сторону своей квартиры и, наваливаясь на бок и локоть Полины, подошел к своей двери с табличкой «119».

– Какой ключ? – спросила Полина.

Я показал. Она открыла дверь, и я ввалился в свою прихожую, едва не грохнувшись головой о дверь спальни, в которую не заходил чуть ли не со времен смерти матери, впол-

не обходясь раскладным диваном, телевизором и шкафом в гостиной. Полина чудом удержала меня.

– Да стой ты! Блин, теперь ты холодный, как... – Она осмотрела квартиру: налево была моя жилая холостяцкая гостиная, а прямо перед ней – эта приоткрывшаяся дверь в нежилую спальню. – И ты тут один живешь?

Я, кренясь, добрал до своей разобранной постели на раскладном диване в гостиной и рухнул в нее, как был, в плаще.

– Ну, больной! – сказала Полина и стала сдирать с меня плащ. – Хоть плащ сними! Лезь под одеяло! Сдал бы мне комнату...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.